

33
C-92
п

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

ЖАНЪ БАТИСТЪ СЭ.

ТРАКТАТЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Переводъ Е. Н. Каменецкой.

ФРЕДЕРИКЪ БАСТІА.

Кобдень и Лига.—Экономическіе Софизмы и Гармоніи.—Что видно и чего не видать.

Переводъ З. С. Яновской.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 1 рубль.

Выпускъ VII.

МОСКВА.

Типо-Литографія О. И. Лашкевичъ и К^о, Тверская, домъ Саввинскаго подворья.

1896.

65,02

С 97

ПРОБЕ... 12 Г.

ВЫСОКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

ЖАНЬ БАЛНСТР СЭ

ТРАКТОР ПОДЪЕМНОМ В ПОЛИ...

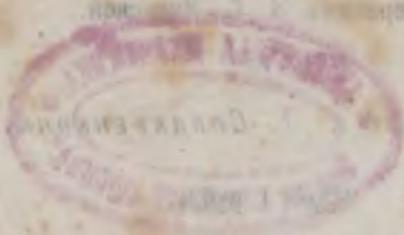
104183.

Коллекция 2-й категории

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Кабинет
редкой книги

ФРЕДЕРИ...

Книжка в 2-х частях, издана в 1912 г. в Ленинграде. В 1-й части описаны работы по созданию...

43124

Фонд-2008 г.
"Московский фонд"
ЛЕНИН

МОСКВА

Содержание: 1. Описание работы по созданию...

1912

Maur-Tamucur Es.

Писатель: М. Шенкер - Н. Берман

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

Второе издание

1925 г.

Тираж 1000 экз.

Цена 1 руб.

Всего страниц 120

ЖАНЪ БАТИСТЪ СЭ.

Французская поэзия

Переводы А. С. Пушкина

Издательство

В. Ланге и сыновья

Санкт-Петербург

Смольный переулок

Редакція: *М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.*

Вышли:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Томасъ Мальтусъ.

Джонъ Стигартъ Милль.

Давидъ Юмъ.

Іеремія Бенгамъ.

Франсуа Кенэ.

Печатаются:

Ж. Тюрго и физиократы.

Ф. Леплэ.

Симондъ де-Сисмонди.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи	I—X
Жизнь и труды Ж.-Б. Сэ	—XI

Трактатъ политической экономіи.

I. Польза политической экономіи	1
II. Что такое производство	12
III. Операции, общія всѣмъ отраслямъ промышленности	17
IV. Употребленіе машинъ	26
V. Теорія сбыта	35
IV. Свойство и употребленіе денегъ	50
VII. Прибыль съ капитала и заработная плата	58
VIII. Частное потребленіе	80
IX. Потребленіе общественное	99

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Посвящая настоящій выпускъ „Библиотеки“ вы-
браннымъ мѣстамъ изъ сочиненій двухъ старѣй-
шихъ и выдающихся французскихъ экономистовъ,
пользовавшихся въ свое время наибольшимъ влі-
яніемъ, редакція считаетъ не бесполезнымъ пред-
послать здѣсь этому выпуску нѣсколько объясни-
тельныхъ словъ.

Вообще, французскіе экономисты утратили у насъ
свою репутацію. Какъ въ прежнее время прида-
вали имъ настолько выдающееся значеніе, что при-
глашали въ Москву даже наименѣ важныхъ изъ
ихъ представителей, для водворенія публичными
лекціями *здравыхъ экономическихъ понятій* въ рус-
скомъ обществѣ; такъ, наоборотъ, теперь низвер-
гаются съ пьедесталовъ даже такіе писатели, ко-
торые по своимъ несомнѣннымъ заслугамъ достойны
особой признательности. Вотъ два довольно яркіе
примѣра такого болѣе чѣмъ страннаго обращенія
съ писателемъ, справедливо считавшимся когда-то
первокласснымъ служителемъ экономической науки.

Когда Ж.-Б. Сэ издалъ свой „Трактатъ поли-
тической экономіи“, то Д. Рикардо, самый глубо-
кій изслѣдователь экономическихъ явленій, поло-
жившій своимъ строго дедуктивнымъ методомъ из-
слѣдованія незыблемое основаніе науки, далъ та-

кой отзывъ объ этомъ „превосходномъ“ сочиненіи. „Сэ былъ первымъ, или однимъ изъ первыхъ писателей на континентѣ, вѣрно излагавшимъ и примѣнявшимъ начала Адама Смита, и болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ иностранныхъ писателей, вмѣстѣ взятыхъ, содѣйствовалъ разъясненію европейскимъ народамъ общихъ началъ этой прекрасной и благодѣтельной системы и въ особенности успѣлъ расположить отдѣльныя части этой науки въ логическомъ и поучительномъ порядкѣ и обогатить ее многими оригинальными, точными и глубокими изслѣдованіями *). Но уваженіе, которое я питаю къ трудамъ этого писателя, не помѣшало мнѣ однако, въ интересахъ науки, сдѣлать свои замѣчанія на тѣ мѣста его сочиненія, которыя представлялись мнѣ несогласными съ моими собственными выводами **). Такой простой, искренній отзывъ одного изъ корифеевъ науки не понравился его русскому переводчику, который призналъ его недостойнымъ такъ-сказать олимпійскаго величія Рикардо. И вотъ къ приведенному отзыву знаменитаго экономиста г. Зиберъ дѣлаетъ отъ себя такое примѣчаніе: „въ виду того, что Рикардо почти нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не соглашается съ мнѣніями Сэ, а напротивъ, относится къ нимъ *большею частью* иронически, настоящій дионирамбъ автора французскому экономисту слѣдуетъ приписать гораздо болѣе *соображеніямъ въжливости*, чѣмъ дѣйствительной

*) „Гл. XV, ч. 1—0 сбытъ“—Des débouchés, въ особенности со-
держать въ себѣ многія весьма важныя начала, которыя, какъ мнѣ
кажется, въ первый разъ изложены этимъ выдающимся писателемъ“.

**) См. II выпускъ нашей „Библиотеки“, посвященный Давиду Ри-
кардо. стр. XXXIV.

высокой оцѣнкѣ“ *). Только нежеланіе быть безпристрастнымъ и справедливымъ къ несимпатичному писателю могло побудить русскаго переводчика заподозрить даже такой высоко-научный авторитетъ, какъ Рикардо, въ томъ, что онъ, при обсужденіи научныхъ трудовъ, руководился недостойными его высокаго значенія соображеніями французской салонной вѣжливости. Необдуманно направивъ свой ударъ на *ничтожнаго* писателя, русскій переводчикъ оказался не особенно бережнымъ и осмотрительнымъ по отношенію къ тому авторитету, который взялся обереечь отъ неосторожной похвалы французскому экономисту. Ударъ г. Зибера попалъ не въ ту цѣль, на которую онъ мѣтилъ.

Другой русскій публицистъ, не изъ числа самостоятельныхъ и оригинальныхъ двигателей науки, г. Жуковскій, посвятилъ Ж.-Б. Сэ особую главу въ своемъ обширномъ сочиненіи по исторіи политической литературы. Отрицая за авторомъ „Трактата политической экономіи“ всякое научное значеніе и даже отвергая въ немъ способность наблюденія, свойственную первокласснымъ писателямъ, русскій публицистъ даетъ о немъ такой отзывъ:

„Но вмѣстѣ съ отсутствіемъ первоклассныхъ внутреннихъ достоинствъ Сэ въ значительной степени обладалъ тѣми *внѣшними* качествами, которыя дѣлаютъ писателя привлекательнымъ для читающаго большинства. Легкій слогъ, поверхностное изложеніе предмета, отсутствіе всякой потребности вду-

*) См. „Сочиненія Давида Рикардо“. Пер. Н. Зибера. С.-Пб. 1882. Примѣчаніе къ „Предисловію“ Рикардо. Стр. III.

мываться въ глубину вещей и вопросовъ и готовность всегда замѣнить фразой дѣло тамъ, гдѣ разсмотрѣніе самаго дѣла повело-бы къ трудностямъ, все это весьма приходится по сердцу читателю, который видитъ возможность знакомиться съ наукой на довольно льготныхъ условіяхъ. Все это и сдѣлало изъ Сэ того милаго, свѣтскаго, прекраснаго человѣка, котораго всякій встрѣчаетъ съ радужной улыбкой и всякій-же готовъ превозносить какъ человѣка, въ которомъ каждая черта характера льститъ нашимъ личнымъ вкусамъ и склонностямъ. Сэ сталъ такимъ образомъ популяризаторомъ экономическаго направленія, сдѣлавъ изъ экономической науки науку гостинную, свѣтскую. Въ то время какъ большинство образованныхъ людей не преодолѣетъ изъ Рикардо трехъ страницъ сряду, почти нѣтъ свѣтскаго полуобразованнаго франта, который не прочелъ-бы Сэ, неотрываясь и подъ-рядъ, который не вынесъ-бы изъ него, правда, поверхностныхъ, но ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы“. Въ то-же время г. Жуковский великодушно допускаетъ, что „оба сочиненія“ Сэ, т. е. и „Трактатъ“, и „Полный курсъ“ политической экономіи, „представляютъ сами по себѣ весьма полезный сводъ воззрѣній экономическаго направленія, въ которомъ нашли свое дополнительное разсмотрѣніе тѣ болѣе уже частныя, хотя и не менѣе любопытныя части экономической науки, которыя оставлены были или совершенно въ сторонѣ въ трудахъ такихъ специальныхъ изслѣдователей, какъ Рикардо или Мальтусъ, или о которыхъ было упомянуто только вскользь“ *)

*) „См. Исторія политической литературы XIX-го столѣтія“. Т. I. С.-Пб. 1871. Гл. VIII. Стр. 391—392.

Какой странный, исполненный противорѣчій отзывъ. Прежде всего недоумѣваешь, какимъ образомъ писатель, не обладающій ни способностью наблюдать, ни даже потребностью вдумываться въ свое дѣло, а умѣющій только легко и привлекательно писать и, гдѣ нужно, фразой замѣнять сущность дѣла, т. е. скорѣе развращающій, чѣмъ обогащающій знаніями публику, — какимъ образомъ такой писатель можетъ быть признанъ популяризаторомъ экономического направленія, такъ что не было свѣтскаго франта, который-бы не прочелъ этого писателя и не вынесъ изъ него ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы; — наконецъ, какимъ образомъ такой, можно сказать, убогій писатель можетъ быть признанъ по нѣкоторымъ своимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ частей науки дополнителемъ столь сильныхъ авторитетовъ, какъ Рикардо и Мальтусъ.

Издавая въ краткомъ извлеченіи Сэ, редакція не сочла себя въ правѣ умолчать о подобныхъ отзывахъ. Но не будемъ смущаться ими, такъ какъ болѣе близкое знакомство съ исторіей приведетъ всякаго безпристрастнаго читателя къ инымъ заключеніямъ. Въ этомъ отношеніи не бесполезно было-бы для нашихъ читателей заглянуть въ „Исторію политической экономіи“ Бланки, гдѣ въ короткой XXXIX главѣ, посвященной характеристикѣ Ж.-Б. Сэ и „его доктринѣ“, они найдутъ отзывъ прямо противоположный двумъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ русскихъ публицистовъ. Мы охотно ссылаемся на этого писателя потому, что его, по нѣкоторой социалистической окраскѣ направленія, менѣе чѣмъ кого-либо можно заподозрить въ односторон-

ней приверженности къ такъ-называемой чистой экономической доктринѣ, а также и потому, что названное сейчасъ сочиненіе его настойчиво рекомендуется для прочтенія составителямъ „Программы“ для домашняго чтенія по политической экономіи. Какъ-же относится Бланки къ старѣйшему изъ французскихъ экономистовъ? Не вдаваясь ни въ какія подробности, приводимъ здѣсь на справку лишь слѣдующія мѣста изъ его „Исторіи“.

„Изданіемъ „Трактата политической экономіи“ созданъ дѣйствительно въ Европѣ простой строго научный методъ для изученія политической экономіи... Главная заслуга этого сочиненія состоитъ въ томъ, что въ немъ точно опредѣлены основанія науки. Ж.-Б. Сэ отдѣлилъ ее отъ политики, съ которою постоянно смѣшивали ее экономисты XVIII стол., и отъ администраціи, съ которою нѣмцы считали ее нераздѣльною... Сколько возраженій ни возникало потомъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ его ученій, а теперь всѣми признано превосходство его метода надъ всѣми другими современными ему методами“. Перечисляя заслуги Сэ по отдѣльнымъ частямъ его изслѣдованія, и въ особенности въ теоріи сбыта, Бланки замѣчаетъ, между прочимъ, что Сэ приходилось вступать въ жаркій споръ съ самыми славными учеными экономистами своего времени. „Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди, Шторхъ опровергали важныя положенія его по многимъ пунктамъ его ученія; но всѣ они согласно признавали въ немъ неутомимаго борца науки и самаго выдающагося популяризатора ея, послѣ Адама Смита“.

Наконецъ, намъ пріятно привести здѣсь дословно

еще слѣдующій отзывъ нашего заслуженнаго профессора политической экономіи въ московскомъ университетѣ, А. П. Чупрова, горячаго поклонника Рикардо, „какъ величайшаго теоретика“ въ этой наукѣ, и приверженца впервые примененнаго имъ дедуктивнаго метода извѣдованія. Вотъ что читалъ онъ своимъ слушателямъ въ 1889—90 академическомъ году:

„Во Франціи самымъ крупнымъ распространителемъ идей Адама Смита и главою ранней школы французскихъ экономистовъ былъ извѣстный Ж.-Б. Сэ, авторъ двухъ большихъ трактатовъ (*Traité d'économie politique* 1803 г. и *Cours d'économie pratique*, 1828 г.). Сэ первый по времени систематикъ въ области политической экономіи; въ своемъ *Traité d'économie politique* онъ впервые переработалъ всю область науки въ стройное, легко доступное обозрѣнію цѣлое; развилъ нѣкоторыя положенія, исправилъ отдѣльныя ученія и въ то-же время обогатилъ науку нѣкоторыми самостоятельными ученіями и оригинальными изслѣдованіями (особенно извѣстны его теорія рынковъ и теорія кризисовъ). Сочиненія Сэ, имѣвшія въ свое время такой огромный успѣхъ, что знакомство съ ними считалось едва-ли не необходимою принадлежностью хорошаго воспитанія, не представляютъ, конечно, той глубины и оригинальности мысли, какія мы встрѣчаемъ у Смита и Рикардо; но они обнаруживаютъ несомнѣнно значительную наблюдательность автора, ясность мысли, замѣчательную талантливость и изящество изложенія“ *).

*). См. курсъ политической экономіи А. И. Чупрова, читанный въ 1889—90 гг., стр. 305. Бъ сожалѣнію, болѣе поздняго курса мы подъ руками не имѣемъ.

Итакъ, на все свое время и всякому свое мѣсто во времени. Чтобы справедливо судить о писателяхъ, отжившихъ свой вѣкъ, но еще продолжающихъ жить въ своихъ потомкахъ, нельзя руководствоваться только современными теоріями и воззрѣніями, а надо принимать въ соображеніе всю совокупность условій мѣста и времени, среди которыхъ приходилось дѣйствовать этимъ писателямъ. Это—слишкомъ простая и давно извѣстная истина, невѣдѣніе которой и вызываетъ тѣ крупныя ошибки, тѣ слишкомъ односторонніе и предвзятые приговоры, которыми погрѣшили наши русскіе публицисты, такъ легко отвергающіе наставленія исторіи. Не забудемъ, что „Трактатъ политической экономіи“ Сэ былъ изданъ въ первый разъ въ 1803 г., т.-е. 92 года тому назадъ и лишь черезъ 22—23 года послѣ изданія знаменитаго творенія Смита, когда самое названіе науки едва проскользнуло въ немъ въ видѣ исключенія и никакого общаго, цѣльнаго образа ея еще не представлялось. Ж.-Б. Сэ, какъ ближайшій истолкователь и распространитель Смита, первый вырисовалъ рельефными чертами этотъ образъ, опредѣлилъ задачу и объемъ политической экономіи, какъ науки о *производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства*. Богатство, по ученію Сэ, производится при посредствѣ трехъ главныхъ отраслей человѣческаго труда—земледѣлія, промышленности и торговли. Природа, трудъ и капиталъ суть три главныя орудія производства, сбереженіе и накопленіе создаетъ капиталы, собственность обезпечиваетъ свободное пользованіе двумя другими орудіями. Трудъ человѣка, комбинируван-

ный съ силами природы и машинами, даетъ жизнь всей совокупности этихъ источниковъ, изъ которыхъ рождается богатство, составляющее главную основу общественнаго благосостоянія *).

Начертаніемъ общей задачи и объема науки о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства, на основаніи общихъ принциповъ, возвѣщенныхъ Ад. Смитомъ, опредѣляется и выдающееся историческое значеніе трудовъ Ж.-Б. Сэ, заслужившаго почетное имя старѣйшаго учителя политической экономіи на континентѣ. Къ Сэ примыкаетъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей и ученыхъ—Бланки, авторъ „знаменитой“ исторіи политической экономіи, Дюнойе, авторъ трактата о свободѣ труда, Ж. Гарнье, Росси, Мишель-Шевалье, извѣстный своими изслѣдованіями о деньгахъ и путяхъ сообщенія, Курсель-Сенель, авторъ руководства къ практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ, Поль-Леруа Болье, еще не давно издавшій свое сочиненіе о распредѣленіи богатствъ; старѣйшимъ изъ этихъ писателей былъ современникъ Сэ, Симондъ де-Сисмонди, занимающій по своей оригинальности особое мѣсто среди писателей ранней французской школы **). Наконецъ, къ нимъ примыкаетъ и Фр. Бастиа, даровитый приверженецъ идей свободной торговли и неутомимый боецъ и популяризаторъ экономической свободы, которую онъ съ необычайною горячностью отстаивалъ во Франціи отъ нападковъ правительства, такъ быстро смѣнявшихъ другъ друга послѣ реставра-

*) См. Бланки, тамъ-же.

***) См. тѣ-же лекціи проф. Чупрова.

ции 1815 г. и тщетно создававших общественное
 благостояние на началах протекционизма, моно-
 полии и всяческих стѣсненій. Съ другой стороны,
 значительная часть блестящихъ памфлетовъ Бастіа
 были внушены тѣмъ новымъ революціоннымъ дви-
 жениемъ, которое въ 1848 г. охватило собою всю
 Францію, и направлена противъ многочисленныхъ
 проектовъ тогдашнихъ социалистовъ и коммуни-
 стовъ по переустройству общества на новыхъ на-
 чалахъ. Въ этомъ отношеніи Бастіа былъ истымъ
 французомъ своего вѣка и тогдашнимъ экономиче-
 скимъ положениемъ его отечества исчерпывается
 все содержаніе его высоко талантливыхъ поле-
 мическихъ очерковъ.

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ Ж.-Б. Сэ.

Ж.-Б. Сэ родился въ Лионѣ 5 января 1767 г. Семейство его было родомъ изъ Нима, протестантскаго вѣроисповѣданія. Еще въ концѣ XVII столѣтія предки его должны были, вслѣдствіе отжѣны наптекаго едикта, выѣхать изъ этого города и поселились въ Жюневъ. Ж.-Э. Сэ, отецъ экономиста, занимался въ Лионѣ торговлею, и несмотря на свою практическую дѣловитость, заботился о томъ, чтобы дать сыну широкое общее образованіе. Но нѣкоторыя семейныя неудачи прервали это воспитаніе: молодой Сэ, не окончивъ своего образованія, долженъ былъ послѣдовать за отцемъ въ Парижъ и тамъ, посвятивъ себя работѣ въ коммерческой конторѣ, долго боролся съ нуждою. Къ счастью, для него явилась возможность уѣхать съ братомъ въ Англію, гдѣ онъ и окончилъ свое образованіе. кипучая дѣятельность промышленная и торговая, которой молодой Сэ былъ живымъ свидѣтелемъ въ этой странѣ, имѣла на него очень сильное вліяніе. По возвращеніи во Францію, Сэ не оставлялъ, согласно желаніямъ отца, своихъ торговыхъ занятій; но преимущественное вниманіе свое отдалъ все-таки изученію экономическихъ вопросовъ. Знаменитое „Ислѣдованіе“ Ад. Смита о богатствѣ народовъ, напечатанное еще въ 1776 г.,

имѣло рѣшающее значеніе въ жизни французскаго экономиста: получивъ изъ Лондона экземпляръ этого творенія, Сэ сдѣлалъ его предметомъ своего спеціальнаго изученія и цѣлый годъ проводилъ надъ тѣмъ, чтобы комментировать и дополнять новыми фактами и доказательствами ученіе шотландскаго философа. Съ тѣхъ поръ основные принципы свободы труда, промышленности и торговли стали завѣтными принципами всей его жизни.

Когда разразилась революція 1789 г., двадцатидвухлѣтій Сэ горячо примкнулъ къ возвыщеннымъ ею общимъ началамъ и къ патріотическому движенію 1792 г. Но тутъ пришлось ему на время оставить свои любимыя занятія, онъ поступилъ въ военную службу и волонтеромъ сдѣлалъ походъ въ Шампани. Въ 1793 г., въ самый разгаръ террора, онъ вернулся въ Парижъ и тамъ женился на дочери адвоката, г-жѣ Делонгъ. Семейное счастье его на первыхъ-же порахъ подверглось тяжкому испытанію — онъ потерялъ почти все и безъ того очень небольшое состояніе вслѣдствіе всеобщаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ; онъ извѣдалъ тутъ на своемъ горькомъ опытѣ, къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ могутъ привести иногда экономическія мѣропріятія правительства, не основанныя на разумныхъ началахъ науки. Сдѣланныя имъ въ то время обширныя связи съ выдающимися дѣятелями литературы и журналистики доставили ему выгодныя занятія въ качествѣ главнаго редактора изданія *Décade philosophique, littéraire et politique*, около котораго собрался „кружокъ республиканцевъ“. Нѣсколько лѣтъ кряду работалъ онъ въ этомъ изданіи, напечаталъ много статей

экономическаго содержанія и цѣлый рядъ очерковъ изъ области общественныхъ правовъ. Этими трудами онъ настолько обратилъ на себя вниманіе и общества и правительства, что въ 1799 г. былъ назначенъ на должность члена суда и прикомандированъ къ комитету финансовъ. Но образъ мыслей Ж. - Б. Сэ, всегда независимаго и твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на общія начала финансоваго управленія, не могъ понравиться тогдашнему правительству: находясь въ твердыхъ рукахъ великаго полководца, окружившаго Францію славою небывалыхъ воинскихъ подвиговъ, оно уже въ то время давало понять, какою дорогою цѣной былъ купленъ восстановленный имъ на время порядокъ и какія испытанія готовило оно народу въ ближайшемъ будущемъ. Расточительность, съ одной стороны, и чрезмѣрная тягость налоговъ, съ другой, дошли тогда до крайней степени напряженія. „Не сокращать расходы до размѣра неотложной въ нихъ надобности, писалъ Сэ, но какъ можно больше усиливать тягость обложенія“ — таково было правило, которымъ руководствовалось финансовое управленіе и которое нашло въ Сэ самаго упорнаго противника *).

Между тѣмъ ученія занятія Сэ шли своимъ чередомъ, и въ 1803 г. явился его „Трактатъ политической экономіи“ (**), обратившій на себя всеобщее вниманіе и замѣченный даже полновластнымъ, не терпѣвшимъ возраженій правителемъ государства, оцѣнившимъ его по достоинству. Знаменитый кон-

*) См. ниже ст. объ общественномъ потребленіи.

**) *Traité d'économie politique.*

сулъ пригласиль Сэ къ себѣ обѣдать и въ Маль-
 мезанѣ, гуляя съ нимъ по темнымъ аллеямъ парка,
 долго излагалъ ему свои планы о возрожденіи
 французской промышленности, торговли и финан-
 совъ. При этомъ онъ старался доказать автору
 „Трактата“, что ученныя сочиненія могутъ быть
 особенно полезны, когда публика находитъ въ нихъ
 оправданіе мѣрамъ, вызываемымъ требованіями
 времени. Намекъ былъ сдѣланъ слишкомъ про-
 зрачно, чтобы Сэ могъ не понять его внутренняго
 смысла. Но согласиться съ такимъ возрѣніемъ
 значило для него отречься отъ самого себя, зна-
 чило передѣлать свое сочиненіе въ самомъ осно-
 ваніи и, принявъ за руководство противныя науки
 возрѣнія будущаго властителя Франціи, ограни-
 читься примѣненіемъ „Трактата“ къ условіямъ
 практической жизни. Сэ, вѣрный своимъ принци-
 намъ, не могъ принять такого предложенія. По-
 слѣдствія его отказа не заставили себя долго
 ждать: Сэ былъ исключенъ изъ комитета финан-
 совъ и, какъ-бы въ вознагражденіе за потерю
 мѣста, ему была предложена должность управляю-
 щаго налогами (*directeur des droits réunis*). Велико
 было искушеніе для отца четверыхъ дѣтей, не-
 имѣвшаго никакихъ средствъ. Но онъ устоялъ пе-
 редъ этимъ искушеніемъ и отказался принять уча-
 стіе въ примѣненіи такой системы, которую счи-
 талъ пагубною для Франціи. Въ тоже время по-
 разилъ Сэ и другой еще болѣе тяжелый ударъ—
 по распоряженію правительства ему было воспре-
 щено переиздать уже приготовленный къ печати
 „Трактатъ политической экономіи“. Такимъ обра-
 зомъ, лишенный должности и возможности приоб-

рѣсть какія-нибудь средства учено-литературнымъ трудомъ, Сэ оказался въ положеніи, почти отчаянномъ...

Что оставалось дѣлать въ такомъ положеніи? Сэ не потерялъ спокойствія и присутствія духа: оставивъ на время литературное поприще, онъ рѣшился заняться какимъ-нибудь промышленнымъ или торговымъ дѣломъ. Болѣе выгоднымъ представлялось ему хлопчатое - бумажное производство, которому, вслѣдствіе важныхъ изобрѣтеній въ механикѣ, открывалось тогда широкое поле успѣховъ. Не долго думалъ Сэ: съ своимъ десятилѣтнимъ сыномъ, Орасомъ, онъ пошелъ въ простыя рабочіе — учиться практическимъ приемамъ новаго производства на машинахъ, выписанныхъ тогда изъ Англіи и поставленныхъ въ консерваторіи, на выставкѣ, въ Парижѣ. Изумительная настойчивость преодолѣла важнѣйшія затрудненія и вскорѣ въ Оши, въ Па-де-кале была открыта новая мануфактура, на которой Сэ былъ въ одно время и механикомъ, и инженеромъ, и архитекторомъ и не отступалъ ни передъ какими трудностями. Подъ личнымъ, умѣлымъ руководствомъ экономиста, прядильня пошла въ ходъ: въ короткое время она стала давать заработокъ до 500 мѣстныхъ жителей; скоро благосостояніе развилось во всей округѣ, отличавшейся прежде бѣдностью своего населенія. Когда, черезъ восемь лѣтъ послѣ того, разногласія съ товарищемъ по управленію мануфактурой заставили Сэ покинуть это дѣло и вернуться съ семействомъ въ Парижъ, то рѣшеніе это было принято мѣстнымъ обществомъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, о чемъ было засвидѣтельствовано

черезъ 30 л.- послѣ того (1853) на праздникѣ, на которомъ чествовалось имя основателя мануфактуры.

Сэ вернулся въ Парижъ въ 1813 г. Время, проведенное имъ въ занятіяхъ промышленностью, не прошли даромъ и для его ученыхъ трудовъ. Непосредственное управленіе мануфактурой и постоянныя личныя сношенія какъ съ рабочими, такъ и съ массою потребителей ея продуктовъ, обогатили наблюдательнаго экономиста запасомъ практическихъ данныхъ и опытности, которыми онъ воспользовался въ своихъ послѣдующихъ трудахъ по политической экономіи. Въ теченіе восьми лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Оши, онъ былъ безпрестаннымъ свидѣтелемъ многочисленныхъ и крупныхъ ошибокъ имперіи и ея ложной экономической системы, постоянного вмѣшательства въ частныя дѣла промышленности и торговли; пріобрѣтенныя имъ за это время практическія данныя сослужили ему свою службу и еще болѣе утвердили его въ его общихъ принципахъ—что лишь одна свобода и полное невмѣшательство администраціи въ частную дѣятельность могутъ обезпечить благосостояніе народа.

Вернувшись въ Парижъ, Сэ располагалъ уже скромнымъ капиталомъ, давшимъ ему возможность не заботиться о настоятельныхъ нуждахъ завтрашняго дня. Наступившая тогда эпоха реставраціи дала ему возможность напечатать второе изданіе запрещеннаго до тѣхъ поръ „Трактата политической экономіи“. Этого мало. Тогданнее правительство, болѣе благоприятное для либеральнаго направленія, возложило на Сэ важное порученіе—

предпринять поѣздку въ Англію для изученія ея въ промышленномъ отношеніи. Знаніе англійскаго языка, извѣстность его, какъ автора „Трактата“ и гостепрѣимство такихъ авторитетныхъ людей какъ Рикардо, Бентамъ и др. многихъ профессоровъ и ученыхъ открыли французскому экономисту двери въ салоны лучшихъ представителей науки и литературы и дали ему возможность успѣшно окончить данное ему порученіе. Книга Сэ— „Объ Англіи и англичанахъ“ *), 3-е изд. 1816, много обязана этому путешествію, которое оставило въ немъ одно изъ лучшихъ воспоминаній: рассказывая потомъ своимъ парижскимъ слушателямъ объ этомъ путешествіи и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ, онъ съ гордостью упоминалъ, какъ предлагали ему въ то время занять въ Глазговѣ кафедру, прославленную Ад. Смитомъ.

Въ 1815 г. Сэ открылъ въ Парижѣ курсъ политической экономіи; аудиторія его была всегда переполнена слушателями; лекціи его имѣли блестящій успѣхъ, который и побудилъ его потомъ изложить въ краткой формѣ общіе принципы прочташаго имъ курса, подъ заглавіемъ— „Катехизисъ политической экономіи“ **) (1817).

Въ эти годы Сэ проявилъ особенно сильную дѣятельность. Одновременно съ политической экономіей онъ останавливался и на вопросахъ нравственности: „Маленькій томъ, содержащій въ себѣ нѣсколько взглядовъ на людей и общество“ (1818) служить тому доказательствомъ. Къ тому-же вре-

*) De l'Angleterre et des Anglais.

**) Catechisme d'économie politique.

мени относится и его этюдъ о судоходныхъ каналахъ. Но какъ бы ни были разнообразны эти занятія, а „Трактатъ“ составлялъ все-таки самый капитальный трудъ, къ которому онъ опять вернулся: такъ-какъ второе изданіе его быстро разошлось, то автору пришлось вновь переработать и дополнить это сочиненіе на основаніи новыхъ богатыхъ данныхъ, которыя дала ему преобразившаяся экономическая жизнь Франціи. Но и это третье изданіе скоро было исчерпано и въ 1819 г. понадобилось уже четвертое изданіе, а въ 1826 г. — пятое и послѣднее, вышедшее еще при жизни автора. Въстѣ съ тѣмъ Сэ ведетъ дѣятельную переписку и полемику съ Мальтусомъ, издавшимъ въ то время свои „Начала политической экономіи“ (напечатаны были отдѣльно въ 1820), съ Рикардо и Сисмонди по многимъ основнымъ вопросамъ науки.

Любопытно, что въ это именно время возникли во Франціи первыя серьезныя предположенія объ учрежденіи особыхъ кафедръ политической экономіи — одной въ юридической школѣ, другой въ консерваторіи (Conservatoire de arts et métiers). Первая осталась пока въ проектѣ, вторая же была открыта, но подъ особымъ названіемъ — кафедръ *промышленной* (industrielle) экономіи, потому что названіе *политической* экономіи страшило тогдашнее правительство. Эту послѣднюю кафедру занялъ тогда Сэ. Только въ 1830 г. кафедра политической экономіи была учреждена, уже подъ своимъ настоящимъ названіемъ, въ Collège de France. Первымъ профессоромъ ея былъ опять Сэ; но онъ читалъ очень недолго и преемникомъ его былъ извѣстный экономистъ Росси, такъ трагически окончившій свою жизнь въ Италіи.

Къ послѣднимъ годамъ жизни Ж.-Б. Сэ отпосылается другое крупное сочиненіе его — „Полный курсъ политической экономіи“ (1828—1830), въ которомъ дано авторомъ болѣе широкое мѣсто изложенію трактическихъ выводовъ изъ общихъ принциповъ науки и многочисленныхъ примѣненій ихъ къ разнымъ вопросамъ общественной важности.

Но плодотворная жизнь Сэ приходила къ концу. Продолжительная и пастойчивая работа развила въ немъ сильныя нервныя страданія, которыя особенно усилились послѣ смерти жены его въ 1830 г. Съ тѣхъ поръ здоровье его быстро разрушалось и никакія развлеченія, поѣздки и под. не помогали: Сэ черезъ силу продолжалъ еще читать сво курсъ въ Коллежѣ, пока 15 ноября 1832 г. нервный ударъ не прекратилъ его жизни, въ возрастѣ 66 л.

Научное значеніе Ж.-Б. Сэ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что составленный имъ еще въ 1803 г. „Трактатъ политической экономіи“ былъ первымъ по времени сочиненіемъ, въ которомъ въ строгой систематической формѣ были провѣрены и изложены начала, возвѣщенные въ великомъ твореніи Ад. Смита, и прибавимъ—которое при каждомъ новомъ изданіи перерабатывалось и дополнялось новыми данными изъ экономической жизни Европы. Великаго автора „Ислѣдованія о богатствѣ народовъ“ справедливо упрекали въ отсутствіи порядка и цѣльности плана изложенія, въ излишествѣ частныхъ и обширныхъ отступленій и повтореній, прерывающихъ главную нить его изслѣдованій. Никакого полного изложенія науки это великое твореніе не представляетъ;

самое названіе политической экономіи встрѣчается въ видѣ исключенія. „Трактатъ“ Ж.-Б. Сэ былъ однимъ изъ первыхъ сочиненій, познакомившихъ Европу съ полною системою науки, задачею которой онъ поставилъ *производство, распределеніе и потребленіе богатствъ*. Полное заглавіе этого сочиненія таково: *Traité d'économie politique, ou simple exposition de la maniere dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses*— „Трактатъ политической экономіи, или простое изложеніе того, какъ производятся, распредѣляются и потребляются богатства“. „Трактатъ“ послужилъ потомъ главною основою, канвою, по которой составлялись потомъ многочисленныя „курсы“ французскихъ экономистовъ, смотрѣвшихъ на Сэ всегда какъ на своего учителя. Давая отзывъ о значеніи этого сочиненія, Бланки въ своей „Исторіи политической экономіи“ выдвигаетъ на первый планъ, какъ одну изъ крупныхъ научныхъ заслугъ Сэ, его *теорію сбыта* *), „которая основывается на тщательномъ изученіи фактовъ и доказала, что націи платяты за чужіе продукты только продуктами собственнаго производства и что всѣ законы, воспреещающіе покупать, препятствуютъ въ то-же время продажѣ. Всякое бѣдствіе, поражающее на одномъ мѣстѣ, непременно отзывается на другомъ; если урожай недостаточенъ на одномъ пунктѣ, то мануфактурная промышленность чувствуетъ его вліяніе на другомъ; если какая-нибудь страна благоденствуетъ, то всѣ сосѣди ея принимаютъ въ немъ участіе, частью вельдствіе усиленнаго спроса ея на ихъ

*) См. ниже ст. V.

товары, частью вслѣдствіе дешевизны продуктовъ, являющейся результатомъ ихъ обилія. Нации солидарны какъ въ удачѣ, такъ и въ неудачѣ; войны-же — безразсудство, отъ котораго страдаютъ сами побѣдители, и общій интересъ всѣхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы помогать, а не вредить другъ другу, какъ этого требовала до сихъ поръ близорукая политика правительствъ“.

Задача другого капитальнаго сочиненія Сэ — „Курса политической экономіи“, состоитъ въ томъ, чтобы, какъ сказано въ распространенномъ главіи его, „объяснить людямъ государственнымъ, землевладѣльцамъ и капиталистамъ, ученымъ, земледѣльцамъ, мануфактуристамъ, кушцамъ и вообще всѣмъ гражданамъ, въ чемъ состоитъ общественная экономія“ (L'économie des sociétés). Этотъ курсъ отличается, въ сравненіи съ „Трактатомъ“, лишь болѣе практическимъ направленіемъ.

Трактатъ политической экономіи.

I.

Польза политической экономіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ общественной жизни есть много недостатковъ, которые связаны съ самою природою вещей и отъ которыхъ невозможно совершенно освободиться; но есть много и такихъ, которые не только возможно, но и легко устранить. Въ этомъ можно убѣдиться, ознакомившись съ содержаніемъ этой книги. И могъ-бы даже прибавить, что почти у всѣхъ народовъ многія злоупотребленія могли-бы быть совершенно устранены безъ малѣйшей жертвы со стороны привилегированныхъ лицъ, дѣйствительно извлекающихъ изъ нихъ пользу или только воображающихъ, что извлекаютъ ее. Скажу болѣе: есть такія измѣненія общественныхъ условій, которыя могутъ быть сдѣланы въ общихъ интересахъ, безъ всякой опасности для кого-бы то ни было, и которыя отвергаются только вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ экономіей обществъ. Въ большинствѣ случаевъ люди не понимаютъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли-бы извлечь изъ того, что на всѣхъ безъ исключенія членовъ общества были-бы распространены преимущества, которыми пользуются теперь только немногіе. Такое непониманіе происходитъ отъ не-

довѣрія къ книгамъ, потому что, къ сожалѣнію, дурныхъ книгъ всегда больше, чѣмъ хорошихъ, а книги, дающія пустыя разсужденія, вмѣсто изображенія дѣйствительныхъ фактовъ, ведутъ только къ сомнительнымъ результатамъ; и потому, наконецъ, что нѣкоторыя книги написаны скорѣе изъ-за личныхъ соображеній, а не внушены любовью къ истинѣ и желаніемъ добра.

Долго держалось мнѣніе, что знаніе политической экономіи должно составлять достояніе лишь небольшого круга людей, призванныхъ къ управленію государственными дѣлами. Я знаю, что очень важно, чтобы люди, стоящіе у власти, были болѣе вооружены знаніемъ, чѣмъ остальные; знаю также, что ошибки частныхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ могутъ разорить только нѣсколько семействъ, тогда какъ ошибки государей и ихъ министровъ распространяютъ разореніе на всю страну. Но могутъ-ли государи и ихъ министры быть образованными въ то время, когда простые смертные лишены всякаго просвѣщенія? Вопросъ этотъ стоитъ того, чтобы его поставить. Въ среднемъ классѣ общества, вдали отъ опыщенія властью, съ одной стороны, и отъ тяжелаго труда бѣдняковъ, съ другой;—въ томъ классѣ общества, въ которомъ состоянія нажиты честнымъ трудомъ, въ которомъ досугъ не исключаетъ привычки къ труду и въ средѣ котораго всего чаще встрѣчается дружеское общеніе людей, любовь къ чтенію и возможность развивать свой умъ путешествіями, — именно въ этомъ классѣ общества, говорю я, и рождается просвѣщеніе. Отсюда оно распространяется, какъ на сильныхъ міра сего, такъ и на простой на-

родъ, потому что и сильные міра, и простой народъ не имѣютъ времени для умственного труда: они усвоиваютъ себѣ только тѣ истины, которыя доходятъ до нихъ въ формѣ непреложныхъ правилъ, а слѣдовательно не пуждаются въ доказательствахъ.

Если-бы монархъ и его главные министры даже были основательно знакомы съ принципами, на которыхъ основывается благосостояніе народовъ, то какую, спрашивается, пользу они могли-бы извлечь изъ своихъ знаній, если-бы не нашли на всѣхъ ступеняхъ управленія поддержки въ людяхъ, способныхъ понять ихъ, войти въ ихъ соображенія, привести въ исполненіе ихъ планы? Извѣстно, что благосостояніе города или провинціи часто вполне зависитъ отъ дѣятельности мѣстной администраціи, и нерѣдко бываетъ, что человекъ, стоящій во главѣ самаго незначительнаго административнаго центра, проводя въ жизнь какую-нибудь серьезную мѣру, имѣетъ больше вліянія, чѣмъ самъ законодатель.

Въ странѣ, пользующейся представительнымъ правленіемъ, каждый гражданинъ обязанъ изучать политическую экономію уже потому, что тамъ каждый призванъ къ участию въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ.

Предположимъ, наконецъ, что всѣ лица, принимающія участіе въ управленіи на всѣхъ ступеняхъ администраціи, будутъ образованы въ то время, какъ народъ погруженъ еще въ невѣжество (что, впрочемъ совершенно невѣроятно),—на какое противодѣйствіе натолкнулись-бы эти просвѣщенные правители при исполненіи своихъ лучшихъ начер-

таній? Какія препятствія встрѣтили-бы они въ предразсудкахъ тѣхъ, которымъ эти мѣропріятія и должны-бы были принести наибольшую пользу.

Итакъ, чтобы какой-нибудь народъ могъ воспользоваться преимуществами хорошей экономической системы, еще недостаточно, чтобы правители его были способны усвоить себѣ наилучшіе планы, — необходимо еще, чтобы самъ народъ былъ въ состояніи воспринять ихъ.

Во всѣхъ предположенныхъ нами случаяхъ общественное благо требуетъ, чтобы частные люди были такъ-же хорошо знакомы съ принципами политической экономіи, какъ и государственные дѣятели. Имъ слѣдуетъ изучать ее не только въ интересахъ общественнаго блага, но и ради своихъ собственныхъ выгодъ. Истинное пониманіе сущности вещей и ихъ движенія доставляетъ и имъ огромныя средства для того, чтобы составить себѣ правильный взглядъ на предпріятія, въ которыхъ они заинтересованы, хотя-бы какъ акціонеры; оно даетъ имъ возможность предвидѣть нужды этихъ предпріятій и ихъ результаты, изыскивать средства для ихъ процвѣтанія, умѣло пользоваться своими правами, находить наиболѣе солидное помѣщеніе для капиталовъ, предвидѣть исходъ займовъ и другихъ мѣръ, своевременно заботиться объ улучшеніи своихъ земель, сохранять равновѣсіе между затратами на предпріятіе и ожидаемыми отъ него доходами, понимать общія нужды общества, распознавать признаки его процвѣтанія или упадка и т. п.

Мнѣніе, что знакомство съ политической экономіей должно составлять достояніе только людей, управляющихъ государствомъ, помимо уже своей

неосновательности, было причиной того, что почти все экономисты, до Смита, считали своимъ главнымъ призваніемъ—давать совѣты власти. Но такъ какъ они далеко не всегда были согласны между собою и такъ какъ факты общественной жизни, ихъ взаимная связь и вытекающія изъ нихъ слѣдствія были имъ самымъ мало извѣстны и совершенно неизвѣстны толпѣ, то на нихъ, естественно, и смотрѣли какъ на мечтателей. Отсюда—презрѣніе, которое должностныя лица питали ко всему, что только походило на какой-нибудь принципъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія сдѣлалась простымъ изложеніемъ законовъ, управляющихъ экономіей человѣческихъ обществъ, истинные государственные люди поняли, что изученіе ея не можетъ быть для нихъ безразлично. И вотъ, чтобы предвидѣть результаты принимаемой мѣры, они принуждены сообразоваться съ принципами этой науки, точно также какъ приходится руководствоваться законами динамики или гидравлики тому, кто хочетъ прочно построить мостъ или плотину. Когда администрація принимаетъ неправильныя мѣры, то естественно оказывается въ очень шаткомъ положеніи: ей по-неволѣ приходится отступать, когда она встрѣчаетъ на пути непреодолимыя препятствія, которыхъ не сумѣла предвидѣть раньше.

Очень можетъ быть, что именно этой причинѣ слѣдуетъ приписать превратности, терзавшія Францію, впродолженіи послѣднихъ двухъ столѣтій, т. е. какъ разъ въ то время, когда явилась для нея возможность достигнуть высшей степени благосостоянія, на которую даютъ ей право ея почва, поло-

женіе и геній народа. Подобно кораблю, плывущему безъ компаса и ландкарты, по волѣ вѣтра и прихоти лощмановъ, неизвѣстно откуда и куда, Франція двигалась впередъ наудачу, потому что у народа не было никакого опредѣленнаго представленія о причинахъ, способствующихъ общественному благосостоянію. А знаніе этихъ причинъ, если-бы оно существовало, распространилось-бы послѣдовательно на многихъ ея правителей, которые, если-бы они даже и не были расположены дѣйствовать въ ихъ пользу, то по крайней мѣрѣ, не оказывали-бы имъ такого явнаго противодѣйствія, и тогда корабль, именуемый Франціей, не подвергался-бы такимъ крутымъ измѣненіямъ курса, отъ которыхъ ему приходилось такъ жестоко страдать.

Всякое шатаніе вызываетъ такія гибельныя послѣдствія, что даже переходъ отъ дурной системы къ хорошей не обходится часто безъ важныхъ затрудненій. Итъ сомнѣнія, что покровительственная и запретительная система сильно вредитъ успѣхамъ промышленности и развитію народнаго богатства, а между тѣмъ невозможно, не причинивъ большаго зла, сразу уничтожить учрежденія, ею порожденныя. Здѣсь требуются постепенныя мѣры, чрезвычайная споровка, чтобы перейти безъ серіозныхъ затрудненій къ болѣе благоприятному порядку вещей,—точно также какъ путешественники, проѣзжая сѣверныя страны и отморозивши себѣ нѣкоторые члены, только постепенно отогрѣвая ихъ, могутъ возвратить имъ жизнь и здоровье.

Самые лучшіе принципы не всегда могутъ быть применимы на практикѣ. Безусловно необходимо

прежде узнать ихъ, чтобы потомъ извлечь изъ нихъ все, что нужно. Не подлежитъ сомнѣнію, что даже молодой народъ, который, кажется могъ-бы воспользоваться этими принципами въ полномъ объемѣ, никогда не достигаетъ сразу очень большихъ успѣховъ; но все таки нѣкоторая степенъ благосостоянія доступна для всякаго народа, если-бы онъ даже иногда и нарушалъ эти принципы. Могуущественное дѣйствіе жизненной силы способствуетъ росту и благоденствію человѣческаго организма, несмотря даже на излишества юности, несчастные случаи и даже на раны, отъ которыхъ ему приходилось страдать. Въ дѣйствительности нѣтъ абсолютнаго совершенства, въ котораго все было-бы дурно и все вело-бы только ко злу: зло вездѣ перемѣшано съ добромъ. Когда беретъ верхъ первое, общество клонится къ упадку; когда-же беретъ верхъ второе, общество идетъ болѣе или менѣе быстрыми шагами къ благосостоянію, и тогда ничто не должно ослаблять его усилій къ познанію и распространенію добрыхъ принциповъ. Даже самый ничтожный шагъ, который общество сдѣлаетъ въ этомъ направленіи, есть уже самъ по себѣ благо и принесетъ обильные плоды.

Тутъ не слѣдуетъ унывать, въ особенности потому, что въ политической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, на практикѣ дѣйствуютъ сильнѣе всего элементарныя свѣдѣнія. Теоріи теплоты, рычага, наклонной плоскости отдали всю природу въ распоряженіе человѣка. Точно также теорія обмѣна и сбыта измѣнитъ всю политику міра. Поэтому мы должны поступать такъ, чтобы заботиться больше о распространеніи уже доказанныхъ положеній,

чѣмъ преслѣдовать ихъ конечные выводы, чтобы заботиться не столько объ увѣнчаніи зданія науки, сколько о расширеніи его основанія. Но какъ еще велика эта задача и какъ еще невѣжественны и грубы, такъ-называемые цивилизованные, народы! Проѣзжайте по всѣмъ областямъ Европы, столь гордой своимъ знаніемъ; допросите сотни, тысячи, десятки тысячъ народа и вы натолкнетесь развѣ на одного, много двухъ человѣкъ, усвоившихъ себѣ знанія, которыми такъ кичится наше время. Вы не встрѣтите при этомъ знакомства, не говорю уже съ высокими истинами науки—въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго,—но даже и съ самыми простыми элементарными свѣдѣніями, наиболѣе примѣнимыми къ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. А на сколько еще рѣже встрѣчаются условія, необходимыя для того, чтобы учиться. Какъ мало еще людей, способныхъ наблюдать то, что ежедневно происходитъ передъ ихъ глазами, и умѣющихъ сомнѣваться въ томъ, чего не знаютъ!

Какъ-бы то ни было, а надо выждать время. Какъ теплота только постепенно проникаетъ въ массу значительныхъ тѣлъ, послѣдовательно захватывая всѣ ея отдѣльныя частицы, такъ и просвѣщеніе постепенно распространяется между людьми, пока не охватитъ всей массы, которая зовется народомъ. Ничто не можетъ замѣнить дѣйствія времени — вліяніе его всегда непреложно. Если намъ кажется, что оно дѣйствуетъ медленно, то потому только, что жизнь наша сравнительно слишкомъ коротка; но оно дѣйствуетъ очень быстро, если смотрѣть на жизнь народовъ.

Физика Ньютона, единодушно отвергнутая во

Франціи не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, теперь преподается во всѣхъ нашихъ школахъ. Придетъ, наконецъ, время, когда увидятъ, что есть науки еще болѣе важныя чѣмъ физика, если измѣрятъ степень этой важности тѣмъ непосредственнымъ влияніемъ, какое онѣ имѣютъ на судьбу людей.

Въ настоящее время политическая экономія преподается вездѣ, гдѣ хоть сколько-нибудь понимается важность знанія. Она и прежде читалась въ германскихъ, шотландскихъ и итальянскихъ университетахъ, но при новыхъ условіяхъ изученіе ея пойдетъ еще успѣшнѣе и она станетъ на ряду съ самыми положительными науками. Въ то время какъ оксфордскій университетъ еще упорно держится своихъ старыхъ заблужденій, въ Лондонѣ открываютъ новый университетъ *), въ которомъ однако, будутъ преподаваться только обычные науки, какъ-бы для того, чтобы выставить всю несообразность учреждений, въ которыхъ, въ эпоху самыхъ поразительныхъ успѣховъ человѣческаго разума, преподается то-же, что преподавалось еще три вѣка тому назадъ. Частные курсы политической экономіи читаются во многихъ городахъ, въ томъ числѣ въ Женевѣ. Французское правительство, къ чести своей, постановило учредить кафедру политической экономіи въ юридической школѣ въ Парижѣ, а что особенно важно — наши молодые публицисты стремятся завершить свое образованіе изученіемъ наукъ, раскрывающихъ имъ механизмъ человѣческихъ обществъ. Нельзя не удивляться ихъ успѣхамъ, когда сравнишь боль-

*) Это написано въ 1826 году.

шинство періодическихъ изданій нашего времени, а также отдѣльныя сочиненія по политикѣ, исторіи, философій, торговлѣ и искусствамъ съ тѣмъ, что было писано по этой части не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Тѣ изъ этихъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ полное незнаніе ихъ авторами основныхъ началъ политической экономіи, ни на минуту не останавливаютъ на себѣ вниманія публики. Когда молодые люди, сидящіе теперь на школьной скамьѣ, разойдутся по всеѣмъ классамъ общества и достигнутъ высокихъ должностей въ управленіи, общественныя дѣла пойдутъ гораздо лучше, чѣмъ они шли до сихъ поръ. Какъ правители, такъ и управляемые будутъ руководствоваться одинаковыми принципами, что поведетъ, конечно, къ ослабленію притѣсненій, съ одной стороны, и къ большому довѣрію, съ другой. Но что всего болѣе способствовало успѣхамъ политической экономіи, это — важныя условія, въ которыхъ цивилизованный міръ оказался въ послѣдніе 40 лѣтъ. Расходы правительствъ возрасли до немовѣрныхъ размѣровъ; призывы, съ которыми правительства принуждены были обращаться къ своимъ подданнымъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, обнаружили всю серьезность положенія; почти вездѣ требовалось, если не постановлялось, содѣйствіе всего общества или, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ этомъ родѣ. Когда громадныя налоги, взимаемые съ населенія подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами, оказались недостаточными, пришлось обратиться къ кредиту, а для этого необходимо было раскрыть передъ обществомъ какъ нужды, такъ и наличныя средства государства. Публичность отчетности, необходимость разъяснить

публикѣ распоряженія администраціи, произвели въ политикѣ такую нравственную революцію, которую уже нельзя остановить.

Въ то-же время великіе общественные перевороты, великія бѣдствія явили собою и великія испытанія. Злоупотребленія бумажными деньгами, торговые запрещенія и пр. дали возможность познать послѣднія слѣдствія почти всѣхъ крайностей. Внезапное разрушеніе самыхъ солидныхъ устоевъ, колоссальныя вторженія непріятеля, крушеніе однихъ правительствъ и образованіе другихъ, возникновеніе на другомъ полушаріи новыхъ государствъ, освобожденіе колоній, извѣстный общій подъемъ духа, столь благопріятный для развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, свѣтлыя надежды и великія разочарованія, — все это значительно расширило кругъ нашихъ идей сначала въ людяхъ умѣющихъ и наблюдать и разсуждать, а потомъ и во всѣхъ остальныхъ.

Вотъ какъ надежды идутъ рука объ руку съ встрѣчающимися препятствіями; — вотъ какъ толчокъ, получаемый человечествомъ въ его стремленіи къ лучшему будущему, никогда не остается безъ результатовъ.

II.

Что такое производство.

Люди пользуются известными благами, которые природа доставляет им даромъ, какъ напр., воздухомъ, водой, свѣтомъ солнца; но это не тѣ блага, которые обыкновенно принято называть *богатствомъ*. Это названіе дается только тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ собственную, имъ присущую цѣнность и которые сдѣлались исключительной собственностью своихъ владѣльцевъ, какъ напр. земли, металлы, монеты, хлѣбъ, ткани и вообще товары всякаго рода. Если-же это названіе дается также процентнымъ бумагамъ, векселямъ и т. п., то это, очевидно, лишь потому, что они представляютъ собою обязательства, по которымъ владѣльцы ихъ могутъ получить вещи, имѣющія цѣнность сами по себѣ. Богатство всегда пропорціонально этой цѣнности: оно велико, если велика сумма составляющихъ его цѣнностей; оно мало, если мала сумма входящихъ въ его составъ цѣнностей.

По общепринятому пониманію, богатыми людьми называютъ тѣхъ, кто обладаетъ большимъ количествомъ этихъ благъ, имѣющихъ опредѣленную цѣнность. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы изучить, какъ образуются, распределяются и потребляются богатства, то этимъ-же именемъ называются всѣ

предметы, заслуживающіе его, независимо отъ того, много-ли ихъ, или мало, точно также, какъ зерномъ называется какъ отдѣльное зерно, такъ и пѣлый мѣшокъ этого товара.

Цѣнность каждаго предмета, пока она не установлена, совершенно произвольна и неопредѣленна. Владѣлецъ его можетъ цѣнить ее очень высоко, но отъ этого онъ не будетъ богаче. Но съ того момента, какъ другія лица, желающія пріобрѣсти данный предметъ, соглашаются дать за него въ обмѣнъ другіе предметы, въ свою очередь имѣющіе цѣнность, количество этихъ послѣднихъ предметовъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ, является мѣриломъ цѣнности даннаго предмета, такъ какъ за него могутъ дать тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ стоитъ самъ по себѣ.

Къ числу предметовъ, которые могутъ быть отдаваемы въ обмѣнъ на предметъ, который желаютъ пріобрѣсти, относится *монета*. Количество монеты, которое владѣлецъ ея соглашается дать въ обмѣнъ за пріобрѣтаемый предметъ, называется его *цѣною*: это—его *рыночная цѣна* въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, если владѣлецъ предмета увѣренъ, что получить ее въ случаѣ, если захочетъ отдѣлаться отъ этого предмета.

Знаніе истинной природы богатства, какъ оно сейчасъ объяснено, знаніе всѣхъ трудностей, которыя приходится преодолевать для его пріобрѣтенія, знаніе того, какъ оно распределяется въ обществѣ, какъ можно пользоваться имъ, а также всѣхъ послѣдствій этихъ разнообразныхъ факторовъ,—составляетъ науку, которую принято теперь называть *политической экономіей*.

Цѣнность, которую человѣкъ придаетъ какому-нибудь предмету, имѣеть свое первое основаніе въ томъ употребленіи, какое онъ можетъ изъ него сдѣлать. Одни предметы служатъ намъ пищей, другіе—одеждой, третьи защищаютъ насъ отъ суровыхъ вліяній климата, какъ напр. наши дома, четвертые, какъ напр. украшенія, обстановка этихъ домовъ, удовлетворяютъ вкусу, составляющему также своего рода потребность. Всегда-же несомнѣнно то, что, если люди признаютъ за предметомъ опредѣленную цѣнность, то лишь въ отношеніи его употребленія: что ни на что не годится, тому и не даютъ никакой цѣны.

Эта способность извѣстныхъ предметовъ удовлетворять разнымъ потребностямъ человѣка я позволяю себѣ назвать *полезностью* (потребительной цѣнностью).

И скажу такъ: производить предметы, имѣющіе какую-нибудь полезность, значитъ — производить богатство, такъ какъ полезность предметовъ составляетъ первое основаніе ихъ цѣнности, а цѣнность есть богатство.

Но создавать предметы нельзя: масса матеріаловъ, изъ которыхъ состоитъ міръ, не можетъ быть ни уменьшена, ни увеличена. Все, что мы можемъ сдѣлать, это—воспроизводить эти матеріалы въ той формѣ, въ которой они становятся пригодны для нашего употребленія и которой они раньше не имѣли, или въ той формѣ, въ которой можетъ увеличиться ихъ полезность. Следовательно, тутъ есть созданіе, но не матеріи, а полезности, и такъ какъ эта полезность сообщаетъ предметамъ цѣнность, то является *производство богатства*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать слово *производство* въ политической экономіи, и въ какомъ оно будетъ употребляться въ этомъ сочиненіи. Производство не создастъ матеріи, но создастъ полезность. Оно не можетъ быть измѣряемо ни въ длину, ни въ объемѣ, ни въ вѣсѣ продукта, но только соотвѣтственно полезности, общественной предмету.

Но изъ того, что цѣна предмета есть мѣрило его цѣнности, а цѣнность есть мѣрило его полезности, не слѣдуетъ выводить того нелѣпаго заключенія, будто искусственнымъ возвышеніемъ цѣны предметовъ можно увеличить ихъ полезность. Мѣровая цѣнность, или цѣна предмета, служитъ только вѣрнымъ указателемъ полезности, которую люди признаютъ въ предметѣ, если только происходящій между ними обмѣнъ предметовъ не нарушается никакимъ для ихъ полезности стороннимъ вліяніемъ, подобно тому, какъ барометръ показываетъ давленіе атмосферы лишь по стольку, по скольку никакое стороннее вліяніе не нарушаетъ производимаго на него вліянія атмосферы.

III.

Операціи, общія всѣмъ отраслямъ промышленности.

Наблюдая разнообразныя отрасли человѣческой промышленности, мы видимъ, что каковы-бы ни были предметы, къ которымъ онѣ относятся, всѣ онѣ состоятъ изъ трехъ различныхъ операціи.

Чтобы получить какой-нибудь продуктъ, прежде всего необходимо изучить движеніе и законы природы, относящіяся къ этому продукту. Какъ-бы мы сработали какой-нибудь замокъ, если-бы сначала не познакомились со свойствами желѣза и со средствами, какими могли-бы извлечь его изъ рудника, очистить, размягчить и дать ему ту или другую форму?

Потомъ пришлось-бы приложить эти знанія къ полезному дѣлу, подумать надъ тѣмъ, какъ, обрабатывая извѣстнымъ образомъ желѣзо, получить такой предметъ, который имѣлъ-бы извѣстную цѣнность.

Наконецъ, пришлось-бы употребить тотъ ручной трудъ, который указанъ двумя предыдущими операціями, т. е. выковать и спаять различныя части, изъ которыхъ состоитъ замокъ.

Рѣдко бываетъ, чтобы всѣ эти три операціи исполнялись однимъ и тѣмъ-же лицомъ.

Чаще-же всего одинъ изучаетъ движеніе и законы природы. Это—ученый.

Другой, пользуясь его знаніями, создаетъ полезные продукты. Это — земледѣлецъ, мануфактуристъ или торговецъ, или, чтобы всѣхъ такихъ лицъ назвать однимъ именемъ, это — *предприниматель*, т. е. лицо, которое беретъ на свой счетъ и рискъ и въ свою пользу произвести какой-нибудь продуктъ.

Третій, наконецъ, работаетъ по указанію двухъ первыхъ. Это — *рабочій*.

Разсмотрите послѣдовательно всѣ продукты и вы увидите, что всѣ они не могли-бы существовать иначе какъ вслѣдствіе этихъ трехъ названныхъ операцій.

Вотъ идетъ дѣло о мѣшкѣ хлѣба или бочкѣ вина. Прежде всего необходимо было, чтобы натуралистъ или агрономъ знали напередъ путь, которому слѣдуетъ природа въ производствѣ хлѣба или винограда, время и почву, благопріятныя для посѣва или посадки этихъ растений, а также какія заботы надо употребить на то, чтобы они благополучно созрѣли. Фермеръ или землевладѣлецъ приложили эти знанія каждый въ своемъ частномъ дѣлѣ, употребили всѣ способы къ тому, чтобы вышелъ изъ земли полезный продуктъ, и устранили всѣ препятствія, какія могли встрѣтиться имъ. Наконецъ, рабочій вспахалъ землю, засѣялъ ее, подрѣзалъ и подвязалъ виноградныя лозы. Эти три рода операцій были необходимы для того, чтобы окончательно произвести хлѣбъ или вино.

А вотъ примѣръ изъ внѣшней торговли. Возьмемъ индиго. Географъ, путешественникъ, астрономъ, благодаря своимъ знаніямъ, указываютъ намъ страну, въ которой добывается этотъ продуктъ, и

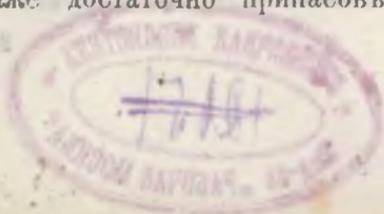

научаютъ насъ какъ переплыть моря. Коммерсантъ снаряжаетъ суда и отправляетъ ихъ за товаромъ. Матросъ, возчикъ, работаютъ механически при этомъ производствѣ.

Если разсматривать индиго только какъ сырой матеріаль для другого продукта, напримѣръ, для сн-няго сукна, то увидимъ, что химикъ раскрылъ свойство этой краски, способы какъ распускать ее, закрѣплять на шерстяной ткани; мануфактуристъ употребилъ въ дѣло всѣ средства, чтобы произвести эту окраску, а рабочій работалъ, повинаясь ихъ указаніямъ.

Повсюду промышленность состоитъ изъ теоріи, ея примѣненія и исполненія. Только нація, отличающаяся въ этихъ троякаго рода операціяхъ, можетъ быть названа вполнѣ промышленною націей. Если она не искусна въ той или другой изъ этихъ операцій, то она не можетъ произвести продуктъ, являющихся результатомъ всѣхъ трехъ операцій. Уже изъ этого одного можно видѣть пользу наукъ, которыя на первый взглядъ, какъ будто удовлетворяютъ только праздному любопытству.

Негры на африканскомъ побережьѣ отличаются большой ловкостью: они очень искусны во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и ручномъ трудѣ, но они представляются мало способными въ двухъ первыхъ операціяхъ промышленности. А потому имъ поневолѣ приходится покупать у европейцевъ ткани, оружіе, украшенія, въ которыхъ нуждаются. Страна ихъ такъ мало производительна, несмотря на свое естественное плодородіе, что суда, ходившія къ нимъ за покупкой певольниковъ, не находили тамъ даже достаточно припасовъ, чтобы прокормиться

0222-2325

во время пути и принуждены были запастись ими заранее.

Современные народы, болѣе чѣмъ древніе, и европейцы, болѣе чѣмъ остальные обитатели земного шара, обладали свойствами, благоприятными для промышленности. Самый ничтожный обыватель любого изъ нашихъ городовъ пользуется множествомъ такихъ жизненныхъ удобствъ, въ которыхъ принужденъ отказывать себѣ повелитель дикарей. Достаточно назвать только стекло, которое, пропускающая свѣтъ въ жилище и въ то же время защищая его отъ измѣнчивостей климата,—одно ужъ стекло представляетъ собою удивительный результатъ наблюдений, знаній и усовершенствованій въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Надо было узнать прежде, какой сортъ песка способенъ превращаться въ тягучее, крѣпкое и прозрачное вещество; при помощи какихъ смѣсей и при какой степени жара можно выдѣлать этотъ предметъ. Надо было узнать также, какую наилучшую форму придать плавильнымъ горнамъ. Одна рама, къ которой прикрѣпляется стекло, есть результатъ тщательнаго изученія крѣпости дерева и способовъ употребленія его на это дѣло.

Но однихъ знаній было недостаточно. Они могли существовать только въ памяти нѣсколькихъ лицъ или въ книгахъ. Требовалось, чтобы явилось лицо, вооруженное способами приложить ихъ къ дѣлу. Такой мануфактуристъ началъ съ того, что сталъ изучать все, что было извѣстно по этой отрасли промышленности, онъ собралъ капиталы, созвалъ строителей, рабочихъ и каждому изъ нихъ отвелъ особое дѣло.

Наконецъ, искусство рабочихъ, изъ которыхъ одни построили зданіе и плавильни, другіе поддерживали огонь, составляли смѣси, выдували стекло, рѣзали его, распиливали, прилаживали, вставляли и т. д., — это искусство, говорю я, довершило работу. И вотъ получился продуктъ, польза и красота котораго превосходятъ все, что только могли себѣ представить люди, незнакомые еще съ этимъ удивительнымъ даромъ человѣческой промышленности.

Благодаря промышленности, самыя негодныя вещества сдѣлались въ высшей степени полезными. Тряпки, ни на что непригодные отбросы хозяйства превратились въ легкіе, бѣлые листы, переносящіе на край свѣта заказы торговли и знакомство съ приемами искусства. Являясь носителями изобрѣтеній человѣческаго генія, эти листы передаютъ намъ опыты вѣковъ. Они хранятъ наши права на собственность; мы ввѣряемъ имъ самыя благородныя и самыя нѣжныя движенія нашего сердца и, благодаря имъ, пробуждаемъ такія-же чувства и въ душѣ намъ подобныхъ. Бумага, облегчая намъ до невѣроятной степени сношенія между людьми, можетъ быть отнесена къ числу такихъ продуктовъ, которые наиболѣе улучшили судьбу человѣчества. А насколько счастливѣе была бы эта судьба, если бы такое могущественное средство просвѣщенія не становилось иногда проводникомъ лжи и орудіемъ тиранніи.

Необходимо замѣтить, что знанія ученаго, столь необходимыя для развитія промышленности, довольно легко передаются отъ одного народа къ другому. Ученые сами заинтересованы въ ихъ ра-

сиространеніи: они увеличиваютъ ихъ личное благосостояніе и упрочиваютъ ихъ репутацію, которая для нихъ бываетъ дороже богатства. Слѣдовательно, народъ, въ которомъ науки еще мало развиты, можетъ однако дать широкое развитіе своей промышленности, пользуясь свѣтомъ науки отъ другихъ народовъ. Не такъ бываетъ съ умѣньемъ прилагать знанія къ потребностямъ человѣка и таланты къ практикѣ. Эти способности бываютъ полезны только тѣмъ, которые ими обладаютъ: поэтому страна, гдѣ много купцовъ, мануфактуристовъ и опытныхъ земледѣльцевъ, имѣетъ болѣе средствъ къ благосостоянію, чѣмъ другая страна, отличающаяся преимущественно развитіемъ умственной дѣятельности. Въ эпоху возрожденія въ Италіи науки были въ Болоньѣ, а богатства—во Флоренціи, Генуѣ и Венеціи.

Современная Англія обязана своими несмѣтными богатствами не столько своимъ ученымъ, хотя она насчитываетъ у себя многихъ весьма выдающихся дѣятелей этого рода, сколько замѣчательному таланту своихъ предпринимателей въ практическомъ дѣлѣ производства и рабочихъ, умѣющихъ хорошо и быстро исполнять работу. Національная гордость, въ которой упрекаютъ англичанъ, не мѣшаетъ имъ быть самой укладистой націей, когда надо прилечь къ потребностямъ потребителей: они снабжаютъ шляпами и сѣверъ и югъ, потому что умѣютъ дѣлать ихъ легкими для юга и теплыми для сѣвера. Нація-же, умѣющая изготовлять шляпы только по одному образцу, продаетъ ихъ только дома.

Англійскій рабочій восполняетъ предпринимателя;

вообще онъ трудолюбивъ и терпѣливъ, онъ не любитъ выпускать изъ рукъ предметъ своего труда, до тѣхъ поръ пока не придастъ ему со всею точностью того совершенства, какое требуется. Онъ не употребляетъ на это больше времени, но онъ прилагаетъ гораздо больше вниманія, заботливости, прилежанія, чѣмъ большинство рабочихъ въ другихъ странахъ.

Впрочемъ, нѣтъ ни одного народа, который долженъ-бы отчаяваться, что не можетъ пріобрѣсти способностей, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлаться вполне промышленнымъ народомъ. Не болѣе полутора ста лѣтъ тому назадъ сама Англія была еще такъ мало развита въ промышленномъ отношеніи, что получала изъ Бельгіи почти всѣ свои ткани, и не прошло еще восьмидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Германія снабжала мелкими металлическими издѣліями страну, которая теперь снабжаетъ ими весь міръ.

Я сказалъ, что земледѣлецъ, мануфактуристъ и купецъ пользуются пріобрѣтенными знаніями и примѣняютъ ихъ къ потребностямъ людей; но чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ, имъ необходимы еще другія знанія, которыя они могутъ пріобрѣсти только на практикѣ производства и которыя можно назвать толжительными знаніями ихъ профессій. Если-бы самый свѣдущій натуралистъ вздумалъ самъ заняться удобреніемъ своихъ полей, то имѣлъ бы, вѣроятно, меньше успѣха, чѣмъ его фермеръ, хотя и понимаетъ это дѣло гораздо лучше его. Самый опытный механикъ, хорошо знакомый съ механизмомъ прядильныхъ машинъ, вытянуть-бы, вѣроятно, очень плохую нитку, если-бы не на-

чился хорошенько этому дѣлу на практикѣ. Въ искусствахъ есть всегда извѣстная степень совершенства, которая достигается опытомъ и послѣдовательнымъ рядомъ попытокъ, изъ которыхъ однѣ удаются, а другія нѣтъ. Итакъ, однихъ знаній не достаточно для успѣха искусства: тутъ необходимъ еще опытъ, болѣе или менѣе рискованный, успѣхъ котораго не всегда окунаетъ то, чего онъ стоитъ. Если такой опытъ удастся, то конкуренція не замедлитъ умалить барыши предпринимателя, а общество сдѣлается обладателемъ новаго продукта, или—что тоже самое, воспользуется пониженіемъ цѣны прежняго продукта.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, опыты, кромѣ труда и капиталовъ, на нихъ посвящаемыхъ, стоятъ обыкновенно еще и поземельной ренты въ теченіе одного или болѣе лѣтъ, когда они производятся.

Въ мануфактурной промышленности производство опытовъ основывается на болѣе вѣрныхъ расчетахъ, не такъ долго занимаетъ капиталы и, въ случаѣ удачи, доставляетъ предпринимателю болѣе продолжительное и исключительное пользованіе добытымъ успѣхомъ, такъ какъ употребленные ими при этомъ приемы бывають менѣе замѣтны, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ право исключительнаго пользованія новымъ изобрѣтеніемъ гарантируется особыми привилегіями. Во всякомъ случаѣ успѣхи въ мануфактурной промышленности совершаются вообще гораздо быстрее и бывають гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ земледѣліи.

Въ торговой промышленности, еще болѣе чѣмъ въ другихъ, опыты бывають очень рискованными,

если необходимые для этого расходы не имѣли въ тоже время какого-нибудь другого назначенія. Если негодянтъ дѣлаетъ опытъ перевезти какой-нибудь продуктъ, извѣстный въ одной странѣ, въ другую, гдѣ онъ былъ неизвѣстенъ, то лишь тогда, когда коммерческое предпріятіе его стоитъ на твердомъ основаніи. Такъ голландцы, когда вели торговлю съ Китаемъ, около половины семнадцатаго столѣтія сдѣлали попытку, не рассчитывая на большой успѣхъ, — привезти оттуда новый продуктъ, въ видѣ мелкихъ высушенныхъ листьевъ, изъ которыхъ китайцы дѣлали напитокъ, бывшій у нихъ въ большомъ употребленіи. И вотъ возникла торговля чаемъ, котораго ежегодно ввозится въ Европу болѣе 45 милліоновъ фунтовъ, продающихся болѣе, чѣмъ на 300 милл. *).

Помимо совершенно исключительныхъ случаевъ благоразуміе требуетъ, можетъ быть, чтобы на производство промышленныхъ опытовъ употреблялись не капиталы, назначенные на исполнѣ прочное производство, а только доходы, которые каждый можетъ, безъ ущерба своему благосостоянію, тратить, какъ ему вздумается. Такія прихоти, направляющія къ полезной цѣли и доходы, и досугъ, которыми такъ много людей пользуются для своихъ удовольствій, а иногда и для чего-нибудь хуже — во всякомъ случаѣ похвальны. Я не думаю, чтобы можно было найти болѣе благородное употребленіе богатства и личныхъ талантовъ. Какой-нибудь богачъ и филантропъ можетъ этимъ обогатить

*) Эти цифры не имѣютъ теперь, конечно, никакого серьезнаго значенія.

классъ промышленниковъ и потребителей, т. е. весь міръ, такими продуктами, которые во много разъ превосходятъ цѣнность того, что онъ даетъ, и даже цѣнность всего его богатства, какъ-бы оно ни было велико. Попробуйте, если это возможно, подсчитать, чего стоилъ человечеству неизвѣстный изобрѣтатель плуга!

Употребленіе машинъ.

Съ какой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на машины, начиная съ самаго простаго орудія и кончая самымъ сложнымъ, начиная съ подилка и кончая самымъ обширнымъ аппаратомъ? Орудія суть только простыя машины, а машины—только сложныя орудія, которыми мы пользуемся для увеличенія силы нашихъ рукъ; и тѣ, и другія во многихъ отношеніяхъ являются лишь средствами для того, чтобы воспользоваться естественными силами природы. Результатъ ихъ, очевидно, долженъ состоять въ томъ, чтобы съ меньшимъ трудомъ получить тоже количество полезностей или, — что то-же самое — получить больше полезностей при томъ-же количествѣ труда. Орудія и машины расширяютъ власть человѣка; они заставляютъ физическія тѣла и силы служить человѣческому разуму; въ употребленіи ихъ заключается наибольшій прогрессъ промышленности.

Но введеніе чего-бы то ни было новаго, даже самаго драгоценнаго, всегда сопровождается какими-нибудь неудобствами; всегда чьи-нибудь интересы связаны съ сохраненіемъ прежнихъ, худшихъ приемовъ и нарушаются введеніемъ новыхъ,

болѣ усовершенствованныхъ пріемовъ. Всякій разъ, какъ новая машина или, вообще, какой нибудь новый пріемъ замѣняютъ собою дѣйствовавшій до тѣхъ поръ человѣческой трудъ, часть рабочихъ вытѣсняется и на время остается безъ работы. Изъ этого выводили довольно важныя доказательства противъ употребленія машинъ, а во многихъ мѣстахъ введеніе ихъ было приостанавливалось яростью толпы и даже распоряженіями администраціи. Тѣмъ не менѣе было - бы безуміемъ отталкивать отъ себя такія усовершенствованія, которыя навсегда могутъ быть благодѣтельны для человѣчества, изъ-за того только, что они на первыхъ порахъ представляютъ какія-нибудь неудобства. Притомъ эти неудобства обыкновенно смягчаются еще разными обстоятельствами, которыя всегда надо принимать въ соображеніе.

1. Введеніе и распространеніе новыхъ машинъ совершается вообще очень медленно, такъ что рабочіе, интересы которыхъ могутъ пострадать при этомъ, всегда имѣютъ достаточно времени принять свои мѣры предосторожности, а администрація — подготовить средства къ устраненію этихъ невыгодъ.

2. Пельзя ввести никакихъ машинъ безъ того, чтобы не употребить много предварительнаго труда, который можетъ доставить занятіе людямъ трудолюбивымъ и лишившимся временно, благодаря машинамъ, работы. Когда вводится, на примѣръ, гидравлическая машина, вытѣсняющая собою въ большемъ городѣ трудъ водолазовъ, то приходится, хотя-бы на нѣкоторое время, дать работу такимъ рабочимъ, какъ плотники, каменщики, кузнецы, земле-

кошъ для постройки зданій, прокладки трубъ, побочныхъ вѣтвей и т. п.

3. Положеніе потребителей, а слѣдовательно и рабочаго класса, который страдаетъ, улучшается вслѣдствіе удешевленія того самаго продукта, надѣ которымъ онъ работаетъ.

Сверхъ того, всякое стараніе воспренятствать введенію машины, въ виду могущихъ оказаться при ея изобрѣтеніи временныхъ неудобствъ, было-бы совершенно напраснымъ. Если машина выгодна, то она все равно гдѣ-нибудь да будетъ введена, продукты ея будутъ дешевле тѣхъ продуктовъ, которые ваши рабочіе будутъ производить самымъ трудолюбивымъ образомъ, и рано или поздно дешевизна этихъ продуктовъ отобьетъ отъ рабочихъ и потребителей и работу.

Если-бы ручные прядильщики хлопка, которые въ 1789 г. разбили прядильныя машины, введенныя-было въ Нормандіи, продолжали дѣйствовать въ томъ-же направленіи, то намъ пришлось-бы всеѣмъ отказаться отъ хлопчато-бумажнаго производства; всеѣ хлопчато-бумажные товары привозились-бы къ намъ изъ-за границы, или были-бы замѣнены другими. Тогда нормандскіе прядильщики, которые все-таки кончили тѣмъ, что поступили большею частью на крупныя мануфактуры, еще сильнѣе пострадали-бы отъ недостатка работы.

Вотъ каковы бывають ближайшіе результаты введенія новыхъ машинъ. Что-же касается до послѣдствій болѣе отдаленныхъ, то они все — въ пользу машинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если человекъ при помощи машинъ завоевываетъ природу и заставляетъ рабо-

татъ, на себя ея естественныя силы и разные естественныя факторы, то выгода здѣсь очевидна: тутъ всегда оказывается или увеличеніе продукта или уменьшеніе издержекъ производства. Если продажная цѣна продукта не падаетъ, то это завоеваніе приходится въ пользу производителя и въ то-же время ничего не стоитъ потребителю. Если цѣна понизится, то потребитель получаетъ выгоду на всю сумму этого пониженія, причемъ производитель не несетъ никакого убытка.

Обыкновенно умноженіе продукта вызываетъ паденіе цѣны на него: дешевизна способствуетъ большому распространенію его, и производство его, хотя и стало гораздо быстрѣе, не замедлитъ занять большее число рабочихъ чѣмъ прежде. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что хлопчато-бумажное производство занимаетъ теперь въ Англии, во Франціи и Германіи гораздо больше рукъ, чѣмъ до введенія машинъ, такъ значительно сократившихъ и улучшившихъ этотъ трудъ.

Довольно поразительный примѣръ того-же рода представляетъ машина, служащая къ быстрому снятію копій съ одной и той-же рукописи—я говорю о книгопечатаніи.

Оставляя здѣсь въ сторонѣ вліяніе, какое вообще имѣло книгопечатаніе на усовершенствованіе человѣческихъ знаній и цивилизацію, я посмотрю на него просто какъ на мануфактуру и на ея значеніе въ экономическомъ отношеніи. Въ моментъ введенія книгопечатанія множество переписчиковъ остались безъ работы, ибо можно съ увѣренностью сказать, что одинъ наборщикъ типографіи замѣнилъ собою двѣсти переписчиковъ. Слѣдова-

тельно, можно утверждать, что сто девяносто девять рабочихъ изъ двухсотъ остались безъ работы. И что-же? Легкость, съ которою печатныя книги читаются въ сравненіи съ рукописями, дешевизна, до которой дошли печатныя книги, несравненно большее число сочиненій, которыя стали издавать писатели вълѣдствіе толчка, даннаго этимъ изобрѣтеніемъ—всѣ эти причины повели къ тому, что по прошествіи очень короткаго времени рабочихъ-типографчиковъ оказалось гораздо болѣе, чѣмъ сколько было прежде переписчиковъ. И если-бы теперь можно было точно высчитать не только число рабочихъ въ типографіяхъ, но и число всѣхъ лицъ, которымъ они даютъ работу, граверовъ, рѣпчиковъ, литейщиковъ, возчиковъ, бумажныхъ фабрикантовъ, корректоровъ, переплетчиковъ, книгопродавцевъ, то оказалось-бы, можетъ быть, что число лицъ, занятыхъ теперь фабрикаціей книгъ, въ сто разъ больше того числа, которое было занято до изобрѣтенія книгопечатанія.

Да позволено мнѣ будетъ прибавить здѣсь, что если сравнить вообще употребленіе рабочихъ рукъ съ употребленіемъ машинъ и при этомъ сдѣлать крайнее предположеніе—что когда нибудь машины замѣнятъ собою почти весь ручной трудъ, то увидишь, что число людей не уменьшится, потому что не уменьшится и сумма производствъ. Кромѣ того на землѣ будетъ, можетъ быть, меньше страданій въ средѣ нуждающагося рабочаго класса, потому что тогда при тѣхъ потрясеніяхъ, которыя по временамъ придется переносить разнымъ отраслямъ промышленности, будутъ оставаться безъ работы не люди, а главнымъ образомъ машины,

т. е. капиталы; машины-же не умрут съ голоду—они только перестанутъ приносить доходъ своимъ предпринимателямъ, которые вообще стоятъ отъ нужды дальше, чѣмъ простые рабочіе.

Но какъ-бы ни были велики выгоды, которыя въ концѣ-концовъ приносятъ употребленіе всякой новой машины не только одному классу предпринимателей, но и рабочимъ, а самую большую выгоду извлекаютъ изъ нея все-таки потребители. Они составляютъ всегда самый важный классъ общества, потому что онъ — самый многочисленный, потому что въ составъ его входятъ производители всякаго рода и потому что благополучіе этого класса составляетъ и общее благосостояніе, процвѣтаніе всей страны *). Я говорю, что главную выгоду извлекаютъ изъ машинъ потребители: если изобрѣтатели исключительно пользуются, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, плодами своего открытія, то въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго; съ другой стороны, не было примѣра, чтобы долго хранилась какая-нибудь тайна изобрѣтенія. Въ концѣ-концовъ все становится извѣстнымъ, въ особенности-же то, что старается раскрыть личный интересъ человѣка и что ввѣрено скромности многихъ

*) Можетъ показаться парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что рабочій классъ больше всѣхъ другихъ заинтересованъ въ техническомъ успѣхѣ производства, сберегающемъ ручной трудъ, ибо именно этотъ классъ, наиболѣе нуждающійся, извлекать наибольшую пользу изъ дешевизны товаровъ и наиболѣе страдаетъ отъ дороговизны. Если-бы до сихъ поръ не умѣли превращать зерна въ муку иначе какъ ручнымъ трудомъ, то рабочему было-бы гораздо труднѣе приобрѣтать хлѣбъ по доступной ему цѣнѣ, а если-бы не были изобрѣтены вязальныя машины, то онъ не носилъ-бы чулокъ.

лицъ, строившихъ машину и пользующихся ея услугами. Кромѣ того, какъ только раскрыта тайна изобрѣтенія, является конкуренція, которая понижаетъ цѣнность продукта на всю сумму сэкономленныхъ издержекъ производства, и съ этого-то момента начинается выгода потребителя. Размоль хлѣба, вѣроятно, не доставляетъ теперь мельникамъ больше дохода, чѣмъ въ прежнее время, но онъ обходится гораздо дешевле потребителямъ.

Дешевизна не составляетъ однако единственной выгоды, которую введеніе улучшенныхъ приѣмовъ производства доставляетъ потребителямъ: они выигрываютъ вообще и въ болѣе совершенной обработкѣ продуктовъ. Правда, художники могли-бы отъ руки исполнять рисунки, украшающіе наши набивныя матеріи, наши обои, но печатныя доски и валки, которые употребляются для этого, сообщаютъ рисунку такую правильность, а краскамъ такую ровность, которыхъ не могъ-бы достигнуть самый искусный художникъ.

Если постепенно разсмотрѣть всѣ промышленныя искусства, то увидишь, что большая часть машинъ не ограничиваются только тѣмъ, что просто помогаютъ человѣческому труду, а создаютъ какъ-бы совершенно новые продукты тѣмъ, что совершенствуютъ ихъ. Коромысло, плющильная машина производятъ такіе продукты, которыхъ искусство и старшія самаго искуснаго рабочаго никогда не могли-бы произвести безъ этихъ машинъ.

Наконецъ, машины дѣлаютъ еще больше: онѣ увеличиваютъ количество даже такихъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ сами не участвуютъ. Не повѣрять, можетъ быть, если не вдуматься хоро-

шенько въ дѣло, что соха, борона и подобныя орудія, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ времени, могущественно содѣйствовали пріобрѣтенію человѣкомъ многихъ предметовъ не только жизненной необходимости, но и такихъ предметовъ прихоти, которыми онъ теперь пользуется и о которыхъ, безъ этихъ орудій, онъ не имѣлъ-бы, вѣроятно, ни малѣйшаго представленія. Однако, если-бы для разныхъ способовъ обработки почвы пришлось пользоваться однимъ только заступомъ, мотыкою и другими столь-же малосовершенными орудіями; если-бы нельзя было пользоваться для этихъ работъ животными, которыя, съ точки зрѣнія политической экономіи, представляются своего рода машинами, то пришлось-бы, вѣроятно, для полученія сѣстныхъ припасовъ, сохраняющихъ жизнь теперешняго населенія, употребить въ дѣло безъ исключенія всѣ рабочія руки, которыя теперь заняты въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Итакъ, плугъ далъ возможность извѣстному числу рабочихъ посвятить себя другимъ, хотя-бы самымъ ничтожнымъ занятіямъ, а что еще важнѣе — развитію умственныхъ способностей.

Древніе не знали мельницъ: въ ихъ время люди собственными руками растирали зерно, изъ котораго приготовлялся хлѣбъ. Говорятъ, что сила паденія воды, приводящей въ движеніе мельницу, равна силѣ ста-пятидесяти человѣкъ. Стало-быть, сто-пятьдесятъ человѣкъ, которыхъ древніе принуждены были употреблять больше чѣмъ мы, вмѣстѣ только одной изъ такихъ мельницъ, могутъ свободно существовать въ наши дни, какъ они существовали и прежде, потому что мельница не

уменьшила количества предметовъ, обращающихся въ обществѣ, а въ то же время промышленность, въ которой они работаютъ, можетъ производить еще другіе продукты, которые мѣняются на продукты мельницы, а тѣмъ самымъ умножается народное богатство.

V.

Теорія сбыта.

Предприниматели въ разныхъ отрасляхъ промышленности говорятъ обыкновенно, что не трудно произвести, а трудно продать, что можно всегда произвести достаточное количество товаровъ, если легко найти имъ вѣрный сбытъ. Когда продажа ихъ продуктовъ идетъ медленно, туго и не даетъ выгодъ, то они говорятъ — *денегъ мало*; все желаніе такихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы потребленіе было дѣятельнѣе, чтобы оно умножало продажи и поддерживало цѣны. А если спросить ихъ—какія обстоятельства, какія причины благоприятствуютъ размѣщенію ихъ продуктовъ, то окажется, что эти люди имѣютъ обыкновенно весьма смутное представленіе объ этомъ предметѣ, что они дурно наблюдаютъ факты и еще хуже объясняютъ ихъ, что они принимаютъ за вѣрное то, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, желаютъ того, что прямо противно ихъ интересамъ, и стараются отъ власти получить покровительство, ведущее обыкновенно къ плохимъ результатамъ.

Чтобы составить себѣ болѣе вѣрное и примѣнимое къ практикѣ понятіе о томъ, что мѣста сбыта открываютъ продуктамъ промышленности,

разсмотримъ здѣсь всеѣмъ извѣстные и постоянно повторяющіеся факты; сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что уже выяснено нами тѣмъ-же путемъ, — можетъ быть мы откроемъ тогда истины новыя, важныя и способныя освѣтить желанія промышленниковъ и стремленія правительства, такъ горячо принимающаго ихъ подъ свое покровительство.

Человѣкъ въ промышленности старается сообщить цѣнность своимъ продуктамъ, создавая для нихъ какое нибудь полезное употребленіе, и можетъ надѣяться, что его товаръ будетъ оцѣненъ и проданъ только тамъ, гдѣ есть люди, имѣющіе средства купить его. Изъ чего состоятъ эти средства? Изъ другихъ цѣнностей, изъ другихъ продуктовъ, плодовъ промышленности, изъ ихъ капиталовъ, земель. А изъ этого слѣдуетъ, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ, что сбытъ для продуктовъ создается самимъ производствомъ.

Если какой нибудь продавецъ матерій скажетъ: „въ сбывѣніи на мои продукты я требую не продуктовъ, а денегъ“, то ему не трудно было-бы доказать, что покупатель его товара можетъ заплатить ему деньгами, полученными за товары, которые онъ продаетъ въ свою очередь. Ему можно было-бы отвѣтить такъ: такой-то фермеръ купитъ ваши матеріи, если у него будетъ хорошій урожай, и онъ купитъ у васъ ихъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе будетъ его жатва. Но онъ ничего не купитъ, если самъ ничего не произведетъ.

Да и вы сами купите у него хлѣба и шерсти лишь настолько, насколько сработали матеріи. Вы утверждаете, что вамъ нужны не продукты, а деньги,

а я вамъ говорю, что вамъ нужны продукты. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ деньги? Не правда-ли — зачѣмъ, чтобы купить на нихъ сырыхъ матеріаловъ для вашей промышленности, или съѣстныхъ припасовъ для васъ самихъ? *) Изъ этого вы сами видите, что вамъ нужны не деньги, а продукты. Деньги, за которыя вы продадите ваши продукты и на которыя купите другіе продукты, будутъ служить для той-же цѣли двумъ другимъ сторонамъ, а потомъ опять въ другой и въ третій разъ, и такъ безъ конца, подобно тому какъ повозка, которая, перевезя продукты, вами проданные, повезетъ потомъ другіе, третьи и т. д. Когда вамъ полезно бываетъ продать ваши продукты, то развѣ вы ссылаетесь на то, что у покупателей нѣтъ повозокъ, чтобы перевезти ихъ? Тоже самое и деньги, онѣ — тѣ же повозки, перевозящія цѣнность продуктовъ. Все назначеніе ихъ въ томъ, чтобы перевезти къ вамъ цѣнность продуктовъ, которые покупатель продалъ, чтобы купить у васъ ваши продукты; точно также деньги повезутъ къ тому, у кого вы купили, цѣнность продуктовъ, которые вы продали другимъ.

Слѣдовательно, если весь міръ покупаетъ предметы, въ которыхъ всѣ нуждаются, то не иначе какъ на цѣнность продуктовъ, только на время превратившихся въ опредѣленную сумму денегъ,

*) Даже и въ томъ случаѣ, когда деньги кончатъ только ради того, чтобы копить ихъ, назначеніе ихъ въ концѣ-концовъ состоитъ все-таки въ томъ, чтобы купить на нихъ что нибудь. Если покупаетъ на нихъ даже и не тотъ, кто накопилъ ихъ, то покупаетъ его наследникъ, или кто нибудь другой, въ чьи руки случайно они попадаютъ, ибо деньги, какъ деньги, никакого другого употребленія имѣть не могутъ.

которую вы покупаете. Иначе какимъ-же образомъ могло-бы быть, что теперь во Франціи въ одинъ годъ покупается въ шесть и въ восемь разъ больше предметовъ, чѣмъ сколько покупали въ несчастное царствованіе Карла VI? Это происходитъ, очевидно, оттого, что теперь производится также въ шесть или восемь разъ больше продуктовъ, чѣмъ прежде и потому что они продаются въ обмѣнъ одни на другіе“.

Говорятъ и такъ: *нельзя продать, потому что мало денегъ*. Но здѣсь средство принимается за причину. Ошибка, которую при этомъ дѣлаютъ, происходитъ отъ того, что почти всѣ продукты обыкновенно превращаются въ деньги прежде, чѣмъ они обмѣнены на другіе продукты, и отъ того, что товаръ, появляющійся такъ часто, получаетъ въ глазахъ толпы значеніе товара по преимуществу, является конечною цѣлью всѣхъ торговыхъ сношеній, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ служитъ не болѣе какъ посредникомъ въ этихъ сдѣлкахъ. Нельзя, слѣдовательно, говорить: *нельзя продать, потому что мало денегъ*, а надо сказать такъ: *нельзя продать, потому что мало другихъ продуктовъ*. Денегъ всегда довольно, чтобы служить обращенію и взаимному обмѣну другихъ цѣнностей, если только эти цѣнности дѣйствительно существуютъ. Когда же ощущается недостатокъ денегъ въ массѣ совершающихся сдѣлокъ, то его легко пополнить, и самая надобность въ пополненіи служитъ указателемъ на благопріятное положеніе дѣлъ. А именно: она указываетъ на то, что есть, значить, большое количество произведенныхъ цѣнностей, на которыя желаютъ пріобрѣсть большое количество другихъ

цѣнностей. Въ такихъ случаяхъ товаръ, служащій посредникомъ и облегчающій заключеніе сдѣлокъ, т.-е. деньги, легко замѣняется другими извѣстными въ торговомъ морѣ способами, а вскорѣ затѣмъ опять притекають деньги, такъ какъ монета есть товаръ, а всякій товаръ направляется туда, гдѣ въ немъ чувствуется потребность. Стало-быть, это—хорошій знакъ, коли не хватаетъ денегъ въ торговлѣ, точно также—хорошій знакъ, коли въ магазинахъ не хватаетъ товаровъ.

Когда какого-нибудь товара очень много и онъ не находитъ себѣ покупателей, то причина этого вовсе не въ томъ, что недостатокъ денегъ останавливаетъ продажу. Продавцы его были-бы очень довольны получить цѣнность своего товара такими продуктами, которые нужны имъ для ихъ потребления, по курсу настоящаго дня; они совсѣмъ не ищутъ денегъ и не имѣютъ въ нихъ надобности, а если и желаютъ имѣть ихъ, то лишь для того, чтобы превратить ихъ въ предметы своего потребления.

Производитель, который думалъ-бы, что его потребители состоятъ не только изъ тѣхъ, которые сами производятъ, но также и изъ многихъ другихъ классовъ, которые матеріально сами ничего не производятъ, какъ, напримѣръ, чиповники, врачи, юристы, духовенство и пр., и вывелъ-бы изъ этого то заключеніе, что есть еще другіе рынки кромѣ тѣхъ, которые представляютъ лица, сами производящія что-нибудь,—производитель, разсуждающій такимъ образомъ, доказалъ-бы только, что онъ судитъ по одной внѣшности и не умѣетъ проникнуть въ сущность дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ

священникъ, который идетъ къ торговцу, чтобъ купить себѣ энитрахиль или стихарь; цѣнность, которую онъ несетъ въ лавку, это — сумма денегъ. Откуда онъ взялъ ее? Отъ сборщика податей, который получилъ ее отъ плательщика ихъ. Откуда-же взялъ ее плательщикъ налога? Она произведена имъ самимъ. Эта самая цѣнность, произведенная плательщикомъ налога и промѣненная на деньги, а потомъ переданная священнику, и дала ему возможность сдѣлать свою покупку. Священникъ сталъ на мѣсто производителя, а производитель могъ-бы и самъ, на цѣнность своего продукта, купить если не энитрахиль или стихарь, то какой-нибудь другой болѣе полезный для себя продуктъ. Потребленіе продукта, называемаго стихаремъ, совершилось на счетъ какого-нибудь другого потребленія. Но какъ-бы то ни было, а покупка всякаго продукта не можетъ совершиться иначе, какъ на цѣнность другого продукта.

Первый выводъ, который можно сдѣлать изъ этой важной истины, состоитъ въ томъ, что чѣмъ больше въ каждомъ государствѣ производителей и чѣмъ многочисленнѣе производства, тѣмъ легче, разнообразнѣе и обширнѣе сбытъ продуктовъ.

Въ мѣстахъ, которыя много производятъ, создается то, на что только и можно купить — *испольность*. Деньги исполняютъ лишь временную роль въ процессѣ обмѣна; какъ только состоялись сдѣлки, всегда оказывается, что за продукты заплачено только продуктами.

Полезно замѣтить здѣсь, что каждый продуктъ, съ того самаго момента, какъ онъ произведенъ, открываетъ собою сбытъ для другихъ продуктовъ.

на полную сумму своей цѣнности. И точно, лишь только послѣдній производитель окончилъ свой продуктъ, ничего онъ такъ сильно не желаетъ, какъ продать его, дабы цѣнность этого продукта не оставалась праздною у него на рукахъ. Но не меньше спѣшитъ онъ отдѣлаться и отъ денегъ, которыя доставила ему продажа этого продукта, дабы также не оставалась у него на рукахъ и цѣнность вырученныхъ денегъ. Но сбыть деньги можно только покушкою какого-нибудь продукта. Изъ этого видно, что одинъ только фактъ производства товара, въ тотъ самый моментъ какъ онъ произведенъ, открываетъ сбытъ для другихъ продуктовъ.

Вотъ почему хорошій урожай выгоденъ не только земледѣльцамъ, но и торговцамъ всѣми другими продуктами, а не однимъ хлѣбомъ. Покупаютъ всегда больше тогда, когда собираютъ больше. На-оборотъ, дурной урожай вредитъ всѣмъ продавцамъ. То-же самое можно сказать и объ урожаѣ въ области мастерства и торговли. Та отрасль торговли, которая процвѣтаетъ, даетъ средства купить, а слѣдовательно доставляетъ возможность и продать по всѣмъ другимъ отраслямъ торговли. На-оборотъ, если какая-нибудь отрасль промышленности или торговли идетъ вяло, страдаютъ и всѣ остальные.

Если это такъ, то откуда берется, спросить меня, такое большое количество товаровъ, которые иногда загромождаютъ обращеніе, потому что не находятъ себѣ покупателей? Почему-же эти товары не покупаются одни на другіе?

На это я отвѣчу, что если товары не продаются, или продаются съ убыткомъ, то они, зна-

чить, превышаютъ сумму потребностей въ нихъ, или потому, что ихъ было произведено слишкомъ много, или еще болѣе потому, что другія производства дали товаровъ меньше чѣмъ нужно. Извѣстныхъ продуктовъ слишкомъ много, потому что не достаетъ другихъ.

Выражаясь проще — многіе меньше купили, потому что сами меньше выработали, а выработали они меньше потому, что встрѣтили затрудненія въ примѣненіи способовъ своего производства, или-же потому, что у нихъ не достало этихъ средствъ.

Можно замѣтить также, что въ одно и то-же время одни товары продаются туго, а другіе, наоборотъ, дорожаютъ до непомерно высокихъ цѣнъ. Такъ какъ поднявшіяся цѣны должны-бы представлять достаточныя причины къ усиленію производства, то тутъ дѣйствуютъ, значить, какія-нибудь исключительной важности обстоятельства или насильственныя мѣры, въ родѣ естественныхъ или политическихъ бѣдствій, алчности или неспособности правительствъ, которыя, искусственно поддерживая эту скудость, причиняютъ такое гибельное скопленіе. Если такая причина политической болѣзни миуетъ, то средства производства направляются туда, гдѣ оно отстало: постепенно развиваясь, оно благопріятствуетъ развитію и всѣхъ другихъ производствъ. Одно производство рѣдко опережало бы другія, а продукты его рѣдко обезцѣнивались бы, если-бы все было предоставлено собственному движенію.

Второй выводъ изъ того-же принципа состоитъ въ томъ, что каждый заинтересованъ въ благопо-

лучи всѣхъ и что процвѣтаніе одной отрасли промышленности всегда благопріятно процвѣтанію всѣхъ прочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую-бы промышленность ни взяли мы для примѣра, личные таланты находятъ въ ней тѣмъ лучшее примѣненіе и извлекаютъ для себя тѣмъ болѣе выгодъ, чѣмъ больше вокругъ нихъ людей, которые сами зарабатываютъ что-нибудь. Человѣкъ талантливый, печально прозябающій въ какой-нибудь странѣ, клонящейся къ упадку, нашель-бы множество занятій для своихъ способностей въ странѣ производительной, гдѣ онѣ могли-бы принести пользу и получать вознагражденіе. Купецъ въ какомъ-нибудь промышленномъ и богатомъ городѣ продаетъ на гораздо большія суммы, чѣмъ торговецъ, живущій въ бѣдномъ округѣ, гдѣ господствуетъ безпечность и лѣнь. Что могъ-бы сдѣлать энергическій мануфактуристъ или ловкій купецъ въ городѣ мало населенномъ и необразованномъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ Испаніи или Польши? Хотя-бы онъ и не встрѣтилъ тамъ никакого конкуррента, однако онъ продавалъ-бы все-таки очень мало, потому что тамъ и производятъ мало, тогда какъ въ Парижѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ онъ дѣлалъ-бы огромныя дѣла, не смотря на конкурренцію сотенъ такихъ-же какъ онъ кущовъ. Причина этого проста: здѣсь онъ окруженъ людьми, которые производятъ много продуктовъ всѣхъ родовъ и дѣлаютъ закупки на то, что они произвели, т. е. на деньги, полученныя отъ продажи того, что они произвели.

Въ этомъ заключается источникъ прибылей, получаемыхъ жителями городовъ съ людей деревенскихъ и получаемыхъ послѣдними съ первыхъ: и

тѣ и другіе покупаютъ другъ у друга тѣмъ больше, чѣмъ больше сами производятъ. Городъ, окруженный богатыми деревнями, находитъ тамъ многихъ и богатыхъ покупателей, точно также вблизи богатаго города деревенскіе продукты получаютъ большую цѣнность. Нѣтъ ничего неправильнѣе, какъ дѣлить народы на земледѣльческіе, промышленные и торговые. Если народъ преуспѣваетъ въ земледѣліи, то поэтому самому преуспѣваетъ и его мануфактурная промышленность и его торговля, а если процвѣтаетъ его мануфактурная промышленность и торговля, то развивается и земледѣліе.

Каждый народъ, въ отношеніи къ сосѣднему народу, находится въ такомъ-же положеніи, какъ всякая провинція въ отношеніи къ другой провинціи, какъ всякій городъ въ отношеніи къ окружающимъ его деревнямъ: всѣ онѣ заинтересованы въ его процвѣтаніи и въ томъ, чтобы онъ могъ увѣренно пользоваться своимъ благосостояніемъ. Слѣдовательно, Соединенные Штаты совершенно разумно старались всегда распространять промышленную дѣятельность среди дикихъ племенъ, которыми они окружены; они хотѣли, чтобы эти племена владѣли чѣмъ-нибудь, дабы могли дать что-нибудь въ обмѣнъ на то, что имъ нужно, ибо ничего нельзя извлечь изъ народовъ, которымъ нечего дать въ обмѣнъ. Для человѣчества чрезвычайно важно, чтобы народъ, среди своихъ сосѣдей, руководствовался въ каждомъ данномъ случаѣ принципами свободы. Блестящіе результаты, которые онъ получить при такомъ руководствѣ, докажутъ ему, что *пустыя системы, либеральная теорія* составляютъ исключительныя пра-

вила, ревниво охраняемая только въ старыхъ государствахъ Европы, которыя громко провозглашаютъ ихъ *практическими истинами*, потому только что эти системы и теоріи, къ сожалѣнію, приводятся ими въ исполненіе на практикѣ. Съверо-Американскому Союзу принадлежитъ въ будущемъ слава доказать на личномъ опытѣ, что самая высокая политика всегда находится въ согласіи съ умѣренностью и гуманностью.

Третій выводъ изъ того-же благотворнаго принципа заключается въ томъ, что ввозъ иностранныхъ продуктовъ благоприятенъ продажѣ внутреннихъ продуктовъ, потому что мы не можемъ купить иностранные товары иначе, какъ за продукты нашей промышленности, нашихъ земель и нашихъ капиталовъ, которымъ, слѣдовательно, торговля доставляетъ сбытъ. „Но мы, возразятъ мнѣ, платимъ за иностранные товары деньгами!“ Да, это такъ, но если наша земля не производитъ денегъ, то эти деньги приходится покупать на продукты нашей промышленности, а слѣдовательно на что-бы мы ни покупали заграничные товары— на собственные-ли продукты или на деньги, но эти покупки доставляютъ сбытъ національной промышленности.

Четвертый выводъ изъ того-же принципа заключается въ томъ, что потребленіе чистое и простое, имѣющее своимъ предметомъ—только вызвать новые продукты, ни въ чемъ не содѣйствуетъ богатству страны. Оно разрушаетъ, съ одной стороны, то, что вызываетъ съ другой. Чтобы потребленіе было благоприятно, нужно только, чтобы оно исполняло свою существенную задачу—удовлетво-

рять потребностямъ. Когда Наполеонъ требовалъ, чтобы придворные его являлись ко двору въ расшитыхъ кафтанахъ, то причинялъ этимъ лицамъ уронъ, который по меньшей мѣрѣ равнялся заработку, какой получали ихъ вышивальщики. Онъ дѣлалъ еще хуже, когда онъ разрѣшалъ особыми распоряженіями тайную торговлю съ Англіей, требовалъ, чтобы вывозилась французскими товарами такая-же цѣнность, какую предполагалось ввезти. Купцы, пользовавшіеся этими разрѣшеніями, грузили на свои суда товары, которые, за невозможностью продать по ту сторону пролива, сваливали въ море тотчасъ-же по выходѣ изъ порта. Правительство, ничего не разумѣвшее въ политической экономіи, громко одобряло такой маневръ, признавало, что онъ очень выгоденъ для нашихъ мануфактуръ. Но каково-же было его дѣйствительное вліяніе? Купецъ, принужденный потерять всю цѣнность французскихъ товаровъ, которые онъ вывозилъ, продавалъ потомъ сахаръ и кофе, вывезенные изъ Англи, а французскій потребитель оплачивалъ ему за нихъ сполна и всю цѣну товаровъ, которыми онъ не пользовался. Это — все равно, какъ если-бы, ради поощренія фабрикъ, накупили, за счетъ плательщиковъ, мануфактурные товары и побросали ихъ въ море *).

*) Англичанамъ важно было только сбывать во Францію по хорошей цѣнѣ свои колониальные товары. Слѣдовало, не смотря на войну, не мѣшать этому. Тогда французы, вмѣсто того, чтобы тратить 50 милл. на сахаръ, тратили-бы на него только 25 милл., а другіе 25 милл. оставались-бы у нихъ ежегодно для покупки своихъ продуктовъ, которые бросались въ море. Производство отъ этого не уменьшилось бы, но тогда не было-бы крайней шѣрѣ ни для кого никакой потери.

Чтобы поощрять промышленность — для этого недостаточно одного чистого и простого потребления, тутъ надо еще способствовать развитію вкуса и потребностей, которыя вызываютъ въ населеніи желаніе потреблять; точно также, какъ для поощренія торговли необходимо помочь потребителямъ получать большіе заработки, на которые они могли-бы покупать. Только общія и постоянныя потребности въ народѣ понуждаютъ его производить, дабы получить возможность покупать и тѣмъ самымъ пробуждаютъ постоянно возобновляющееся потребленіе, благопріятное для благосостоянія семействъ.

Усвоивъ себѣ то положеніе, что спросъ на продукты вообще бываетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ дѣятельнѣе производство, — непреложная истина, хотя и выраженная нѣсколько парадоксально — нечего особенно заботиться о томъ, на какую именно отрасль промышленности желательно направить это производство. Созданные продукты вызываютъ различный спросъ, опредѣляемый нравами, потребностями, состояніемъ капиталовъ и промышленности, а также естественными агентами страны; самый большой спросъ бываетъ на такіе товары, которые, вслѣдствіе усиленнаго требованія на нихъ, представляютъ наибольшія выгоды для капиталовъ, на нихъ затраченныхъ, наибольшія выгоды для предпринимателей, наибольшій заработокъ для рабочихъ. Такіе-то именно товары и производятся въ большемъ количествѣ, чѣмъ другіе.

Можетъ быть, спросятъ: гдѣ-же предѣлъ все возрастающаго производства и гдѣ продукты, ежедневно все увеличивающіеся, могли-бы постоянно

мѣняться другъ на друга? Вѣдь безконечныя прогрессіи существуютъ только въ области отвлеченныхъ количествъ, на практикѣ-же самой природою вещей положенъ предѣлъ всякимъ излишествомъ, стало-быть, тутъ дѣло идетъ уже о примѣненіи политической экономіи къ практикѣ.

На практикѣ еще не было никогда такого примѣра, чтобы какая-нибудь нація была совершенно лишена продуктовъ, которые-бы она могла производить и потреблять. Но мы можемъ мысленно распространить послѣдовательно на всѣ продукты то, что наблюдали надъ нѣкоторыми изъ нихъ. За извѣстными предѣлами трудности, которыя сопровождаютъ каждое производство и обыкновенно преодолеваются производителями, возрастаютъ въ такой быстро увеличивающейся пропорціи, что превосходятъ удовлетвореніе, доставляемое пользованіемъ такого продукта. И тогда можно произвести какую-нибудь полезную вещь, но ея полезность не будетъ стоить того, во что она обошлась, и не будетъ удовлетворять существенному условію всякаго продукта—чтобы цѣнность его по крайней мѣрѣ равнялась издержкамъ его производства. Если съ извѣстнаго пространства земли собрано все количество сѣстныхъ припасовъ, какое только можно было получить съ него, и если сверхъ того выписаны издалека еще новые запасы этихъ припасовъ, то производство ихъ можетъ оказаться настолько дорогимъ, что полученный продуктъ не будетъ стоить того, что на него израсходовано. Если трудъ тридцати дней можетъ прокормить работавшихъ только въ теченіе двадцати дней, то невозможно продолжать такое производство: оно не побуждало-бы въ дѣятельности

новыхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе этого, не увеличивали-бы спроса на новую одежду, на новыя жилища и т. д.

Число потребителей опредѣляется, правда, количествомъ съѣстныхъ припасовъ, но всѣ другія потребности ихъ, кромѣ питанія, могутъ возрастать до безконечности; въ такой-же степени могутъ увеличиваться и мѣняться другъ на друга и продукты, способные удовлетворять этимъ потребностямъ. Но они могутъ увеличиваться также и въ видахъ накопленія капиталовъ. Но если потребности становятся все менѣе настоятельны, то естественно, что потребители будутъ дѣлать все меньше усилій для ихъ удовлетворенія; то-есть другими словами—будетъ все труднѣе находить въ цѣнѣ продуктовъ справедливое вознагражденіе за издержки ихъ производства. Остается всегда вѣрнымъ то положеніе, что продукты продаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ развитѣе потребности народа и чѣмъ больше предметовъ онъ можетъ представить для обмѣна, то-есть—чѣмъ болѣе онъ цивилизованъ.

VI.

Свойство и употребленіе денегъ.

Во всякомъ, мало-мальски цивилизованномъ обществѣ никто не можетъ самъ производить все, что ему нужно, рѣдко бываетъ даже, чтобы одно и тоже лицо произвело какой-нибудь предметъ весь сполна. Но если каждый производитель и совершаетъ только то, что, по его силамъ, необходимо для полнаго производства продукта, то потребности его все-таки не ограничиваются какимъ нибудь предметомъ — онѣ чрезвычайно разнообразны. А слѣдовательно, всякому производителю приходится еще заботиться о всѣхъ другихъ предметахъ своего потребленія посредствомъ обмѣна того, что онъ произвелъ самъ для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, на другіе продукты, которые ему нужны.

Здѣсь мимоходомъ можно замѣтить, что, такъ какъ всякій сохраняетъ для своего потребленія только самую малую часть того, что онъ производитъ, какъ на примѣръ, огородникъ — самую малую часть разводимыхъ имъ овощей, хлѣбникъ — самую малую часть хлѣба, который печетъ, сапожникъ — самую малую часть обуви, которую тачаетъ и т. д., то наибольшая часть продуктовъ, можно сказать даже почти всѣ продукты общества, потребляются только благодаря обмѣну.

Изъ этого положенія выводили то ошибочное заключеніе, что обмѣнъ служитъ самою главною основою производства богатствъ, тогда какъ онъ играетъ въ этомъ настолько второстепенную роль, что если-бы каждое семейство само производило (примѣры этого встрѣчаются въ западныхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ) всѣ предметы, необходимыя для его потребленія, то общество все-таки могло-бы существовать, хотя тутъ и не совершалось-бы никакого обмѣна.

Впрочемъ, я сдѣлалъ это замѣчаніе лишь для того, чтобы вернуть вопросъ къ его справедливымъ принципамъ. Я вполне понимаю, на сколько обмѣнъ полезенъ для развитія производства, и началъ доказывать, что онъ безусловно необходимъ въ развитомъ состояніи обществъ.

Установивъ необходимость обмѣна, остановимся на минуту и посмотримъ, какъ трудно было-бы разнымъ лицамъ, образующимъ наше общество и представляющимъ собою чаще всего производителей какого-нибудь одного продукта или по крайней мѣрѣ очень малаго числа нѣсколькихъ разныхъ продуктовъ, — какъ трудно было-бы этимъ лицамъ, оставаясь потребителями, и притомъ самыми нуждающимися въ самыхъ разнообразныхъ продуктахъ, обмѣнивать то, что они производятъ сами, на то, что имъ нужно для себя, если-бы этотъ обмѣнъ производился натурою, т.-е. продуктъ на продуктъ.

Ножевщику пришлось-бы идти къ хлѣбнику и, чтобы получить у него хлѣбъ, онъ сталъ-бы предлагать ему ножи; но хлѣбнику нужны не ножи, а платье. Чтобы получить это платье, хлѣбникъ охотно

даль-бы хлѣбъ портному; но портному нуженъ не хлѣбъ, а мясо, и такъ далѣе до безконечности.

Чтобы избѣжать этихъ затрудненій, пожевщикъ, не имѣя возможности навязать хлѣбнику товаръ, который ему вовсе не нуженъ, будетъ покрайней мѣрѣ стараться найти такой товаръ, который хлѣбникъ могъ-бы, въ свою очередь, легко обмѣнять на другіе необходимые ему продукты. Если есть въ обществѣ такой *товаръ*, который всякій желаетъ пріобрѣсти, не въ силу той пользы, какую онъ могъ-бы доставлять самъ по себѣ, а въ силу той легкости, съ какою онъ могъ-бы мѣняться на предметы, необходимые для потребленія, — товаръ, количество котораго легко соразмѣрить съ цѣнностью того, что хотятъ пріобрѣсти, то именно этотъ самый товаръ и сталъ-бы искать пожевщикъ въ обмѣнъ на свои жижи, потому что опытъ научилъ его, что на него онъ легко получить, посредствомъ другого обмѣна, и хлѣбъ и всякій другой необходимый ему продуктъ.

Этотъ товаръ и есть *деньги* *).

Есть два свойства, одинаково важныя, вслѣдствіе которыхъ вообще предпочитаютъ монету, имѣющую обращеніе въ странѣ, всякому другому товару. Вотъ эти свойства:

1. Монета, какъ освященный обычаетъ и разрѣшенный закономъ посредникъ въ обмѣнѣ продуктовъ, годится всякому, кому надо произвести

*) Въ другомъ мѣстѣ Ж.-Б. Се доказываетъ, что деньги не суть только простой знакъ, но что онѣ должны имѣть свою внутреннюю (intrinsicque) цѣнность, равную тому, что покушается на нихъ, и выводитъ отсюда, что монета должна быть сдѣлана изъ драгоцѣннаго металла.—

Прим. франц. издат.

обмѣнъ или купить что-нибудь для своего потребленія, то-есть годится всѣмъ. Всякій, хорошо знаетъ, что, предлагая монету, онъ предлагаетъ такой товаръ, который годится всякому, и увѣренъ поэтому, что онъ и самъ можетъ приобрести на нее, посредствомъ операціи, называемой *куплей*, всѣ предметы, какіе ему могутъ понадобиться. Тогда какъ если-бы онъ запасся какимъ-нибудь другимъ продуктомъ, то онъ не былъ-бы увѣренъ, что онъ дѣйствительно годится владѣльцу того продукта, какой ему хочется приобрести. Для этого онъ долженъ совершить два обмѣна— сначала *куплю*, а потомъ *продажу*, предполагая при этомъ, что цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ совершенно одинакова.

2. Второе свойство, дающее предпочтеніе монетъ, состоитъ въ ея способности дробиться на такія части, изъ которыхъ каждая равна какъ-разъ цѣнности покунаемаго предмета, такъ что ее принимаетъ всякій, кому надо купить, какова-бы ни была цѣнность покунаемаго предмета. Вотъ почему стараются обыкновенно обмѣнять продуктъ, оказывающійся излишнимъ (а такими продуктами всегда бываютъ остающіеся отъ собственнаго производства) именно на монету, потому что, кромѣ приведеннаго сейчасъ мотива, дѣйствуетъ здѣсь еще и увѣренность всякаго въ томъ, что можно всегда приобрести на цѣнность проданнаго продукта какой-нибудь другой продуктъ, цѣнность котораго будетъ равняться только части проданнаго, или въ нѣсколько разъ превышать цѣнность его, и что на деньги можно, по желанію, покупать въ нѣсколько пріемовъ или въ разныхъ мѣстахъ пред-

меты, какіе желательнo получить въ обмѣнѣ на продаваемые.

Въ обществѣ очень развитомъ, въ которомъ частныя потребности очень разнообразны и многочисленны, и производительная дѣятельность распространяется между большимъ числомъ рукъ, необходимость въ обмѣнѣ бываетъ еще настоятельнѣе. Обмѣнъ все болѣе усложняется, а вслѣдствіе этого становится все труднѣе мѣнять товары непосредственно одинъ на другой. Если, на примѣръ, ножевщикъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать ножи всѣ сполна, работаетъ однѣ только ручки къ нимъ, — какъ это бываетъ обыкновенно въ городахъ, гдѣ ножевое дѣло ведется въ большихъ размѣрахъ — то онъ, собственно говоря, не дѣлаетъ ничего, что могло-бы быть непосредственно полезно ему, ибо на что пригодна ему одна ручка ножа безъ лезвія? Очевидно, что онъ не можетъ потребить непосредственно даже самой малой части того, что онъ произвелъ, и вотъ ему приходится обмѣнять всѣ надѣланныя имъ ручки на такіе предметы, которые ему нужны, на примѣръ — на хлѣбъ, мясо, холстъ и пр. Но ни хлѣбнику, ни мяснику, ни ткачу совсѣмъ не нуженъ такой продуктъ, который годится одному только фабриканту ножей, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, не можетъ дать въ обмѣнъ на ручки ни мяса, ни хлѣба, ибо онъ не производитъ ихъ. Слѣдовательно, ему остается только одно — дать ножевщику такой товаръ, который, по обычаю страны, можно было-бы всегда легко промѣнять на всякій другой.

Такимъ образомъ деньги становятся тѣмъ необходимымъ, чѣмъ образованнѣе страна и чѣмъ раз-

витѣ въ ней раздѣленіе труда. А между тѣмъ исторія представляетъ намъ примѣры, что бывали довольно значительныя страны, въ которыхъ употребленіе товара-денегъ было неизвѣстно. Такова Мексика. Еще въ эпоху покоренія ея испанскими авантюристами, только-что стали употребляться тамъ, въ частныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, вмѣсто денегъ—зерна какао.

И сказалъ, что если какой-нибудь товаръ становится *деньгами* скорѣе чѣмъ другой, то это есть дѣло народнаго обычая, а не правительственной власти, ибо если начинаютъ чеканить металлъ въ видѣ монеты, то правительство (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ уважается собственность) никого не принуждаетъ отдавать свой товаръ за куски драгоценныхъ металловъ. Если, совершая торговую сдѣлку, соглашаются принять монету въ обмѣнъ на товаръ, то совсѣмъ не потому, что на ней отчеканено правительственное клеймо. Монету отдаютъ и принимаютъ также свободно, какъ и всякій другой товаръ и, смотря потому, что выгоднѣе, мѣняютъ товаръ или прямо на товаръ, или на кусокъ золота и серебра, хотя-бы онъ и не былъ отчеканенъ, въ формѣ монеты. Слѣдовательно, монету принимаютъ въ обмѣнъ предпочтительно передъ всякимъ другимъ товаромъ только потому, что по опыту знаютъ, что она свободно принимается владѣльцами товаровъ, въ которыхъ можетъ оказаться надобность. Это свободное ничѣмъ не стѣсняемое преимущество представляетъ единственную силу, которая сообщаетъ кускамъ металла значеніе денегъ. Если-бы было основаніе вѣрить, что въ обмѣнъ на какой-нибудь другой товаръ, напримѣръ на

хлѣбъ, можно было-бы кушить гораздо легче, чѣмъ на монету, предметы, въ которыхъ имѣется надобность, то никто не сталъ-бы отдавать свой товаръ на куски металла, а требовалъ-бы въ обмѣнъ только хлѣба *).

Такъ какъ всякій свободенъ отдавать или не отдавать свой товаръ въ обмѣнъ на монету—не говорю здѣсь о насильственномъ похищеніи или воровствѣ,—то изъ этого выходитъ, что цѣнность монеты не можетъ быть установлена закономъ, а опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ продавца и покупателя. Цѣнность ея бываетъ выше, когда покупатель согласенъ отдать большее количество какого-нибудь товара за то-же количество монеты, или получить меньшее количество ея за то-же количество товара. Она бываетъ ниже въ обратномъ случаѣ. Но помимо мотивовъ, по которымъ монета принимается и получаетъ соответствующую цѣнность, законъ опредѣляетъ еще извѣстные случаи, въ которыхъ обязываетъ рассчитываться

*) Когда негры съ береговъ Гамбиі стали вести торговлю съ европейцами, дороже всего цѣнилось у нихъ желѣзо, потому что оно служило имъ для приготовленія орудія и земледѣльческихъ орудій. Желѣзо сдѣлалось у нихъ цѣнностью, съ которою они сравнивали всѣ другія цѣнности. Но вскорѣ оно стало участвовать во всѣхъ сдѣлкахъ только по имени: въ этихъ областяхъ обмѣнивали, напримѣръ, *нуку* табаку, въ двадцать или тридцать листовъ, на *боченокъ* рому, въ четыре или пять пинтъ, смотря по тому, много или мало этого товара. Въ этой странѣ всѣ товары играютъ роль монеты, одни относительно другихъ. Но это не избавляетъ ни отъ одного изъ неудобствъ обихъ натурою, состоящихъ главнымъ образомъ въ томъ, что нѣтъ такого товара, который всегда легко было-бы раздробить и соразмѣрить по количеству и по цѣности съ цѣнностью всѣхъ другихъ предметовъ“ (См. Voyage de Mungo Park en Afrique, T. I. Гл. II).

монетою, а именно—при уплатѣ государственныхъ повинностей.

Вотъ на чемъ основывается употребленіе монеты. Не слѣдуетъ думать, что эти соображенія представляютъ собою лишь болѣе или менѣе любопытныя разсужденія: всякое разсужденіе, всякій законъ, всякое правило хороши только тогда, когда они истекають изъ существа дѣла, къ которому относятся. Такова, по моему мнѣнію, и сущность денегъ.

VII.

Прибыль съ капитала и заработная плата.

Прибыль предпринимателей. — Такъ какъ невозможно вести никакое промышленное предпріятіе, не употребивъ на него какого-нибудь капитала, то прибыль предпринимателя состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей: изъ прибыли собственно отъ промышленности и изъ прибыли съ капитала. Часть этого капитала почти всегда составляетъ собственность предпринимателя, другая-же часть очень часто берется имъ въ долгъ. Во всѣхъ случаяхъ, будетъ-ли капиталъ занятъ или нѣтъ, прибыль, получаемая съ дѣла, поступаетъ въ пользу предпринимателя, потому что онъ принимаетъ на свою отвѣтственность всѣ шансы успѣха или неуспѣха производства. Въ этомъ отдѣлѣ я буду говорить только о той части этихъ прибылей предпринимателя, которая поступаетъ какъ-бы въ вознагражденіе за его промышленныя способности, за его таланты, дѣятельность, духъ порядка и руководительство. Послѣ мы увидимъ, какая часть этихъ прибылей можетъ быть отнесена на счетъ производительныхъ услугъ капитала.

Хотя это разграниченіе очень тонко, однако

оно имѣть реальное значеніе, потому что въ предпріятіяхъ, въ которыхъ заинтересованы многія лица, одни своимъ трудомъ, другія своимъ капиталомъ, для каждаго изъ нихъ должна быть опредѣлена доля участія въ предпріятіи. Люди, хотя они и не разбираютъ своихъ правъ въ подробности, умѣютъ однако очень хорошо требовать ихъ себѣ во всемъ ихъ объемѣ.

Тутъ надо вспомнить, что дѣятельность предпринимателя имѣть отношеніе ко второму рода операциямъ, которыя мы признали необходимыми въ каждой отрасли промышленности, — къ операци, которая заключается въ примѣненіи приобрѣтенныхъ знаній къ производству какого-нибудь продукта, годнаго для нашего употребленія. Не надо забывать, что это примѣненіе одинаково необходимо какъ въ земледѣльской и въ мануфактурной, такъ и въ торговой промышленности, и что именно въ этомъ и состоитъ трудъ фермера или земледѣльца, мануфактуриста и купца. Разсмотримъ-же, въ чемъ состоятъ прибыли этихъ трехъ разрядовъ предпринимателей.

Стоимость ихъ труда опредѣляется отношеніемъ между *требуемымъ количествомъ* этого рода труда съ одной стороны, и количествомъ, какое употреблено въ дѣло, *предложеннымъ количествомъ*, съ другой.

Тремя главными причинами опредѣляется это послѣднее количество и поддерживается на высокомъ уровнѣ цѣна этого рода труда.

Обыкновенно предприниматель промышленнаго дѣла старается достать средства, въ которыхъ оно нуждается. Я не дѣлаю изъ этого того вывода, что

предприниматель долженъ быть непременно богатъ, потому что онъ можетъ завести свое дѣло и на заемныя средства. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы предприниматель былъ человѣкомъ состоятельнымъ, извѣстнымъ своимъ умомъ, благо-разуміемъ, любовью къ порядку, честностью и чтобы въ силу этихъ свойствъ онъ могъ получить капиталы, которыхъ самъ не имѣеть.

Въ силу этихъ условій многіе не могутъ вступить въ число его соперниковъ.

Далѣе, этотъ родъ труда требуетъ такихъ нравственныхъ качествъ, которыя не часто соединяются въ одномъ лицѣ: тутъ требуется здравый умъ, постоянство, знаніе людей и пониманіе окружающихъ обстоятельствъ, умѣнье вѣрно оцѣнить важность продукта, потребность, которой онъ долженъ будетъ удовлетворить, средства производства; часто тутъ потребуется еще привлечь къ дѣлу очень большое число людей, закупить самому или поручить закупить сырые матеріалы, собрать рабочихъ, привлечь потребителей, обнаружить стремленіе къ порядку и бережливости, однимъ словомъ—обладать талантомъ управленія. Кроме того, предприниматель долженъ вѣрно сводить свои счета и вычислить издержки производства сравнительно съ цѣнностью, какую будетъ имѣть продуктъ его въ продажѣ. Во время самаго производства придется претерпѣвать много препятствій, переживать много безпокойствъ, исправлять много неудачъ, изобрѣтать новые приемы производства и пр. Если люди, начиная свои предпріятія, не обладаютъ всѣми этими качествами, то обыкновенно имѣютъ мало успѣха: такія предпріятія держатся не долго и трудъ ихъ

скоро вытѣсняется изъ обращенія. Остаются-же только такія предпріятія, которыя могутъ продолжаться съ успѣхомъ, то-есть такія, которыя ведутся умѣло. Такимъ образомъ умѣлость ограничиваетъ число людей, предлагающихъ свой трудъ въ качествѣ предпринимателей.

Но это не все. Промышленныя предпріятія всегда соединяются съ извѣстнымъ рискомъ: какъ-бы хорошо они ни были поставлены, по мнѣнію предпринимателя, они могутъ разстроиться, и послѣдній можетъ, безъ всякой вины съ своей стороны, пошатнуть свое состояніе и даже до нѣкоторой степени повредить своей чести—въ этомъ заключается еще новая причина, по которой обыкновенно число предпріятій сокращается или становится нѣсколько дороже.

Не всѣ предпріятія требуютъ отъ принимаемыхъ одинаковыхъ способностей и знаній. Для фермера, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, нѣтъ надобности имѣть такія познанія, которыя безусловно необходимы купцу, ведущему торговлю съ отдаленными странами. Если фермеръ знакомъ съ рутинными пріемами какихъ-нибудь двухъ-трехъ видовъ земельной культуры, дающихъ доходъ его фермѣ, то онъ можетъ еще справиться съ дѣломъ. Знанія-же, необходимыя для того, чтобы вести торговлю съ отдаленными странами, гораздо выше и сложнѣе. Тутъ требуется не только знать свойство товаровъ, которыми ведется торговля, но и умѣть составить себѣ понятіе о размѣрѣ потребностей и объемѣ сбыта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагается продать эти товары. Слѣдовательно, тутъ требуется отъ купца, чтобы онъ всегда хорошо

знать цѣны на каждый изъ этихъ товаровъ въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ свѣта. А чтобы имѣть всегда вѣрное свѣдѣніе объ этихъ цѣнахъ, надо быть знакомымъ съ разными монетами и ихъ относительною цѣнностью, съ тѣмъ, что называется *вексельнымъ курсомъ*. Надо знать способы перевозки товаровъ, мѣру риска, связаннаго съ ней, количество требуемыхъ на это расходовъ, — надо знать обычаи и законы, управляющие народами, съ которыми производится торговля. Наконецъ, надо хорошо знать людей, дабы не обмануться, оказывая имъ свое довѣріе, возлагая на нихъ извѣстные порученія и вообще поддерживая съ ними какія-бы то ни было отношенія. Если способности и знанія, необходимыя для хорошаго фермера, встрѣчаются гороздо чаще, нежели способности и знанія, необходимыя для хорошаго купца, то можно-ли удивляться тому, что трудъ перваго оплачивается дешевле, чѣмъ трудъ послѣдняго?

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы торговля во всѣхъ своихъ отрасляхъ требовала непременно болѣе рѣдкихъ способностей, чѣмъ земледѣльческая промышленность. Есть такіе различные торговцы, которые, какъ и большая часть фермеровъ, работаютъ по рутинѣ, слѣдуя простому общему теченію дѣлъ этого рода, и, наоборотъ, есть такіе роды земледѣльческой культуры, которые требуютъ особой заботливости и быстрого соображенія, не часто встрѣчающихся. Читатель самъ пойметъ, какъ все это можетъ примѣняться на практикѣ. Мое дѣло — установить только общіе принципы; изъ нихъ можно потомъ вывести массу такихъ болѣе или менѣе измѣняющихся, смотря по обстоя-

тельствамъ, заключеній, которыя сами вытекають изъ другихъ принциповъ, объясненныхъ въ другихъ частяхъ этого сочиненія. Точь-въ-точь какъ въ астрономіи: вамъ говорятъ, что всѣ планеты описываютъ равные круги въ теченіе одинаковаго времени; но кто изъ васъ захотѣлъ-бы имѣть болѣе точное представленіе объ этомъ частномъ явленіи, тотъ долженъ-бы былъ принять во вниманіе нарушенія, происходящія отъ сосѣдства другихъ планетъ, притягательная сила которыхъ условливается другимъ, общимъ закономъ физики. Дѣло же лица, желающаго примѣнить общіе законы къ какому-нибудь частному случаю—принять въ соображеніе вліяніе каждаго изъ тѣхъ законовъ, которые установлены.

Говоря о заработкѣ рабочаго, мы увидимъ, какое преимущество имѣетъ передъ нимъ глава предпріятія, вслѣдствіе разницы въ положеніи того и другого; но здѣсь не бесполезно замѣтить еще и другія преимущества, которыя можетъ извлечь предприниматель, если онъ обладаетъ ловкостью. Онъ — посредникъ между всѣми классами производителей, а также между производителями и потребителями. Онъ правитъ дѣломъ производства; онъ—центръ всевозможныхъ отношеній; онъ извлекаетъ выгоду изъ того, что знаютъ другіе и чего они не знаютъ, изъ всѣхъ случайныхъ условій производства. Вотъ почему въ этомъ классѣ производителей, когда обстоятельства благопріятствуютъ ихъ ловкости, и образуются почти всѣ большія состоянія.

Заработная плата рабочихъ. — Простыя и грубыя работы могутъ быть исполнены всякимъ человѣкомъ, лишь-бы онъ былъ живъ и здоровъ; поддержаніе жизни и здоровья составляетъ единственное условіе, чтобы эти работы исполнялись. Поэтому плата за такія работы обыкновенно нигдѣ не подымается выше того, что нужно для поддержанія жизни, а число лицъ, предлагающихъ свой трудъ, достигаетъ уровня существующаго на нихъ спроса, и очень часто превышаетъ его, потому что не трудно родиться на свѣтъ, а трудно существовать. Если нужно только существовать для того, чтобы исполнять ту или другую работу, и если ея достаточно для того, чтобы существовать, то всегда будетъ на лицо и человѣкъ способный на такую работу.

Здѣсь слѣдуетъ однако сдѣлать одно замѣчаніе. Человѣкъ не рождается съ тѣми способностями и силами, которыя были-бы достаточны для исполненія даже самой легкой работы. Эти способности и силы, достигающія своего развитія въ возрастѣ 15—20 лѣтъ, могутъ быть разсматриваемы какъ капиталъ, который образовался лишь ежегоднымъ *накопленіемъ* *) и послѣдовательнымъ увеличеніемъ расходовъ на его воспитаніе. Кѣмъ-же были накоплены эти суммы? Обыкновенно родственниками рабочаго, лицами того промысла, къ которому онъ готовится себя, или какого-нибудь другого. Слѣдовательно, нужно, чтобы въ такомъ промыслѣ ра-

*) Я говорю *накопленіемъ*, хотя суммы, употребленныя на воспитаніе рабочаго, были потрачены; но онѣ истрачены производительно, потому что произвели человѣка, представляющаго собою накопленный капиталъ.

бочіе получали заработную плату нѣсколько выше той, какая требуется для простаго существованія, т.-е. получали неменѣе того, сколько нужно, чтобы содержать себя и воспитывать дѣтей.

Если-бы самая грубая работа не давала рабочимъ такого заработка, чтобы они могли содержать свои семейства и воспитывать дѣтей, то число такихъ рабочихъ оказывалось-бы недостаточно. Спросъ на ихъ трудъ превышалъ-бы то количество рабочихъ, какое предлагалось-бы на рынкѣ, и заработная плата поднялась-бы тогда до того размѣра, при которомъ эти рабочіе могли-бы воспитывать своихъ дѣтей въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы удовлетворить существующему спросу на этотъ трудъ.

Такое равновѣсіе получилось-бы и въ томъ случаѣ, если-бы многіе рабочіе остались неженатыми. Рабочій, не имѣющій ни жены, ни дѣтей, можетъ отдавать свой трудъ дешевле, чѣмъ рабочій, имѣющій жену и дѣтей. Но если-бы увеличилось число неженатыхъ среди рабочаго класса, то они не только не содѣйствовали-бы его пополненію, но помѣшали-бы и другимъ пополнить его. Временное пониженіе заработной платы, въ зависимости отъ того, что неженатые рабочіе могутъ работать за болѣе дешевое вознагражденіе, повлекло-бы за собою потомъ болѣе сильное возвышеніе ея вслѣдствіе того, что уменьшилось число рабочихъ. Поэтому, хотя главнымъ распорядителямъ предпріятій и незачѣмъ было-бы употреблять женатыхъ рабочихъ, какъ болѣе дорогихъ, однако имъ все-таки выгоднѣе было-бы поступать такъ, потому что, заплативъ имъ немного дороже, они избѣгли-бы потомъ большихъ расхо-

довь на заработную плату вследствие сокращения рабочего населения.

Это не значитъ, чтобы каждый промыселъ, взятый въ отдѣльности, правильно пополнялся дѣтьми, рожденными именно въ этомъ промыслѣ. Дѣти переходятъ отъ одного занятія къ другому, въ особенности отъ занятій деревенскихъ къ подобнымъ же занятіямъ въ городахъ, потому что вообще воспитаніе дѣтей стоитъ дешевле въ деревнѣ. Я хотѣлъ только сказать, что классъ самыхъ простыхъ рабочихъ получаетъ изъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ участвуетъ своимъ трудомъ, достаточную долю вознагражденія не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы пополняться *).

Когда страна клонится къ упадку, когда уменьшаются въ ней средства производства, падаетъ просвѣщеніе, сокращаются производительная дѣятельность и капиталы, то постепенно уменьшается и спросъ на простую грубую работу. Тогда и заработная плата падаетъ ниже того размѣра, какой необходимъ для поддержанія класса чернорабочихъ; число ихъ уменьшается и дѣти другихъ разрядовъ рабочихъ, спросъ на которые также пропорціонально уменьшился, переходятъ въ классъ непо-

*) По свидѣніямъ, собраннымъ комиссіей при палатѣ общинъ въ Англіи въ 1815 г., высокая цѣна съѣстныхъ припасовъ не только не повысила заработную плату, но даже понизила ее. Я самъ наблюдалъ такое явленіе во время голода во Франціи въ 1811 и 1817 годахъ. Трудность жить заставила многихъ работать, а другихъ принятыя за большій или болѣе тяжелый трудъ; отсюда—избытокъ товара, называемого *трудомъ*. Но въ то-же время рабочій классъ долженъ былъ много страдать въ эту пору, а слѣдовательно и сократиться въ числѣ.

средственно низшаго разряда. Когда-же, наоборотъ, благосостояніе увеличивается, то низшіе классы не только легко пополняются сами изъ себя, но снабжаютъ своими подростками непосредственно слѣдующіе за ними высшіе классы. При этомъ нѣкоторые изъ этихъ подростковъ, болѣе счастливые и одаренные лучшими способностями, поднимаются еще выше и часто достигаютъ высокихъ степеней въ обществѣ.

Заработная плата тѣхъ, кто не живетъ единственно своимъ трудомъ, бываетъ дешевле заработной платы специальныхъ рабочихъ: они сыты и цѣна на ихъ трудъ не зависитъ настолько отъ необходимости жить. Въ деревняхъ бываютъ прядильщицы, работающія по избамъ, которыя не зарабатываютъ и половины того, что имъ нужно для прожитка, хотя онъ и очень скромный; это обыкновенно — матери, дочери, сестры, тетки, тещи рабочихъ, которымъ пришлось-бы кормить ихъ, если-бы онѣ даже и ничего не зарабатывали сами. Если-бы такой женщиной пришлось жить только на свой трудъ, то ей, очевидно, нужно было-бы или зарабатывать вдвое болѣе, или умереть съ голоду; другими словами — такой трудъ или оплачивался-бы вдвое дороже, или онъ не существовалъ-бы совсѣмъ.

Сейчасъ сказанное примѣняется ко всѣмъ работамъ женщинъ. Вообще, онѣ оплачиваются очень дурно, потому что большинство ихъ живетъ не на свой только личный трудъ и можетъ выбирать родъ занятій, болѣе подходящій къ ихъ вкусамъ и способностямъ, не стѣсняясь размѣрами вознагражденія, опредѣляемыми объемомъ ихъ потребностей.

То-же самое можно сказать о трудѣ монаховъ и

монахпнь. Въ странахъ, гдѣ они существуютъ, настоящіе рабочіе должны только радоваться, что въ монастыряхъ занимаются самыми пустыми работами: если-бы тамъ существовали работы обыкновенной промышленности, то рабочіе того же рода, принужденные содержать свои семейства, не могли бы отдавать свой трудъ такъ дешево, не рискуя погибнуть отъ нужды.

Заработная плата фабричныхъ рабочихъ часто бываетъ выше чѣмъ сельскихъ рабочихъ; за-то она подвергается превратностямъ весьма печальнаго свойства. Какая-нибудь война, какой-нибудь новый таможенный законъ внезапно сокращаютъ спросъ на рабочія руки, и вотъ рабочіе, занимавшіеся своимъ дѣломъ, впадаютъ въ большую нужду. Часто простая перемѣна моды имѣетъ гибельное вліяніе на цѣлыя классы рабочихъ: одна замѣна шнурковъ пряжками на обуви разорила такіе города, какъ Шеффилдъ и Бирмингемъ.

Малѣйшія пониженія заработной платы за самый распространенный трудъ всегда признавались весьма справедливо за большія несчастія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ нѣсколько вышемъ классѣ общества, пользующемся благосостояніемъ и талантами (а это — своего рода богатство) нѣкоторое пониженіе доходовъ или заставляетъ сокращать расходы или ведетъ за собою расточеніе части капиталовъ, которыми обыкновенно располагаютъ такіе классы, то въ средѣ рабочихъ, доходы которыхъ не превышаютъ иногда уровня самыхъ обыкновенныхъ потребностей, пониженіе заработной платы бываетъ равносильно смертному приговору, если не для самихъ рабочихъ, то по крайней мѣрѣ для части ихъ семействъ.

Вотъ почему всѣ заботливыя правительства приходили на помощь неимущимъ классамъ всякій разъ, когда вслѣдствіе какого-нибудь неожиданнаго событія заработанная плата за самый обыкновенный трудъ временно падала ниже размѣра, необходимаго для содержанія рабочихъ. Но очень часто эта помощь по своимъ послѣдствіямъ не отвѣчала благимъ намѣреніямъ правительствъ, вслѣдствіе неумѣнья ихъ выбрать способы для этой помощи. Если хотять, чтобы она была дѣйствительна, то необходимо начать съ того, чтобы выяснить самую причину паденія заработной платы. Если эта причина сама по себѣ дѣйствуетъ продолжительно, то никакія денежныя и временныя пособія не приведутъ ни къ чему — они только отсрочатъ время наступленія бѣдствія. Открытіе какого-нибудь новаго приѣма въ производствѣ, новый ввозъ товаровъ или переселеніе извѣстнаго числа потребителей и пр. принадлежать къ числу такихъ причинъ. Въ такихъ случаяхъ надо заботиться о томъ, чтобы доставить рабочимъ, оставшимся безъ работы, какія-нибудь продолжительныя занятія, вызвать новыя отрасли промышленности, организовать предпріятія въ отдаленныхъ странахъ, основать колоніи и т. д.

Если же паденіе заработной платы не грозитъ продолжительною, если оно, напримѣръ, вызвано хорошимъ или дурнымъ урожаемъ, то достаточно, можетъ быть, ограничиться просто выдачею пособій несчастнымъ, пострадавшимъ отъ такихъ колебаній.

Правительство и частные благотворители могутъ легкомысленно поставить себя въ необходимость

сожалѣть о томъ, что ихъ благодѣянія оказываются не соответствующими своей цѣли. Въмѣсто всякихъ разсужденій я постараюсь пояснить это слѣдующимъ примѣромъ.

Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ, занимающейся винодѣліемъ, оказывается такое обиліе бочекъ, что ихъ употребить не на что. Предположимъ также, что война или какой-нибудь законъ, неблагопріятный для производства вина, заставили многихъ владѣльцевъ виноградниковъ измѣнить культуры своихъ земель. Такова постоянно дѣйствующая причина, вызвавшая избытокъ труда въ бочарномъ промыслѣ. Но эта причина не принимается во вниманіе, и рабочимъ-бочарамъ приходится на помощь тѣмъ, что или закупаютъ безъ всякой надобности заготовленные ими бочки, или раздають пособія въ размѣрѣ тѣхъ заработковъ, какіе обыкновенно получались отъ этого промысла. Но ни закупки ненужныхъ бочекъ, ни раздача пособій не могутъ-же продолжаться долго, и вотъ лишь только онѣ прекратятся, рабочіе окажутся точно въ такомъ-же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ они были прежде. Слѣдовательно, было принесено много жертвъ, сдѣланы большіе расходы и притомъ безъ всякой пользы, если не считать нѣкотораго временнаго облегченія въ положеніи этихъ бѣдныхъ людей.

Предположимъ, наоборотъ, что причина, вызвавшая избытокъ бочекъ, — скоропроходящая, какъ напримѣръ плохой урожай. Если вмѣсто раздачи бочарамъ временныхъ пособій, стали-бы переводить ихъ въ другія мѣста, гдѣ они нужны, или приспособлять ихъ къ какой-нибудь другой отрас-

ли промышленности, то на слѣдующій годъ, урожайный для вина, оказался-бы недостатокъ въ бочкахъ; цѣна ихъ была-бы чрезмѣрно высока и онѣ сдѣлались-бы предметомъ вредной спекуляціи и ажіотажа. А такъ какъ ни алчность, ни ажіотажъ не могутъ произвести бочекъ, когда уничтожены способы производства этого товара, то часть заготовленнаго вина можетъ погибнуть за недостаткомъ бочекъ. Только послѣ новыхъ потрясеній и тревоженій производство ихъ опять достигнетъ тѣхъ размѣровъ, которые соотвѣтствовали-бы существующей потребности.

Слѣдовательно, надо мѣнять лѣкарство соотвѣственно причинѣ, вызвавшей болѣзнь, и распознать эту причину прежде, чѣмъ выбирать лѣкарство.

Выше я сказалъ, что мѣриломъ заработной платы за трудъ самый простой и грубый, служить то, что требуется рабочимъ для того, чтобы жить. Но это мѣрило очень измѣнчиво, ибо привычки людей имѣютъ большое вліяніе на объемъ ихъ потребностей. Мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ округахъ Франціи рабочіе врядъ-ли могутъ обходиться безъ стакана вина. Точно также въ Лондонѣ они не обходятся безъ кружки пива; тамъ этотъ напитокъ составляетъ предметъ такой настоятельной необходимости, что нищія выпрашиваютъ милостыню на кружку пива, точно также какъ во Франціи—на кусокъ хлѣба. Можетъ быть, такая просьба нищаго, совершенно естественная въ нашихъ глазахъ, покажется дерзкимъ поступкомъ какому-нибудь иностранцу, въ первый разъ пріѣхавшему къ намъ изъ страны, гдѣ немущій классъ можетъ питаться какимъ-нибудь

растениемъ, маниокой, или другими еще болѣе грубыми продуктами.

Стало-быть, мѣра того, что нужно для того, чтобы жить, зависитъ частью отъ самихъ жителей страны, гдѣ трудится рабочій. Чѣмъ меньше его потребление, тѣмъ ниже можетъ быть установлена обычная величина его заработной платы и тѣмъ дешевле могутъ продаваться продукты, въ производствѣ которыхъ онъ участвуетъ. Если онъ захочетъ улучшить свое положеніе и поднять свою заработную плату, то или вздорожаютъ продукты, которые онъ производитъ, или уменьшится доля другихъ участниковъ въ производствѣ.

Нечего опасаться, что потребление рабочаго класса, при его настоящемъ неблагопріятномъ положеніи, разовьется слишкомъ широко. Въ интересахъ человѣчества хотѣлось-бы видѣть, чтобы рабочіе и ихъ семейства были одѣты соотвѣтственно климату и временамъ года; чтобы жилища ихъ давали достаточно простора, воздуха и тепла, необходимыхъ для ихъ здоровья; чтобы пища ихъ была здорова, довольно обильна и разнообразна и давала-бы имъ возможность выбора. Но найдется мало такихъ странъ, въ которыхъ даже такія умѣренныя потребности не считались-бы входящими за предѣлы первой необходимости и гдѣ, слѣдовательно, онѣ могли-бы удовлетворяться обыкновенною заработной платою, получаемою послѣднимъ разрядомъ рабочихъ.

Размѣръ потребностей первой необходимости измѣняется не только въ зависимости отъ болѣе или менѣе сноснаго образа жизни рабочихъ и ихъ семействъ, но и отъ совокупности всѣхъ расхо-

довъ, считающихся для нихъ необходимыми въ странѣ, гдѣ они живутъ. Къ числу такихъ необходимыхъ расходовъ мы отнесли сейчасъ и расходы на воспитаніе дѣтей; но есть у рабочихъ и другія нужды, по существу своему, правда, менѣ настоятельныя, но удовлетвореніе которыхъ въ такой-же степени подсказывается нравственнымъ чувствомъ, это—забота о старикахъ. Эта забота въ рабочемъ классѣ находится въ полномъ пренебреженіи. Природа, ради продолженія человѣческаго рода, поставила людей въ зависимость отъ потребности кормиться и отъ заботливости со стороны родительской любви, стариковъ-же, въ которыхъ не оказывается болѣе надобности, она предоставила признательности потомства послѣ того, какъ сдѣлала ихъ жертвами малой предусмотрительности ихъ въ молодые годы. Если-бы въ силу народныхъ правовъ каждое семейство было признано безусловно обязаннымъ принасить что-нибудь въ пользу старости, какъ это дѣлается вообще по отношенію къ дѣтскому возрасту, то потребности первой необходимости стали-бы шире, а естественный размѣръ самой низкой заработной платы долженъ-бы былъ подняться. Филантропу показалось-бы ужаснымъ, что это не всегда такъ бываетъ; онъ содрогается при видѣ того, какъ рабочій не только не заботится объ обезпеченіи старости, но и не предусматриваетъ даже возможности несчастій, болѣзней, неспособности къ труду. Вотъ почему нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и не поддержать рабочихъ ассоціацій, въ которыхъ рабочіе ежедневно откладываютъ самое ничтожное сбереженіе, чтобы припасти себѣ нѣкоторую сум-

му на тотъ случай, когда неожиданная болѣзнь или неспособность къ труду могутъ лишить ихъ возможности работать. Но чтобы такіе союзы могли имѣть успѣхъ, необходимо, чтобы рабочіе смотрѣли на эту предусмотрительность, какъ на безусловную необходимость, чтобы свою обязанность снести свои сбереженія въ кассу союза онъ считалъ такою-же неотложною, какъ и обязанность заплатить за квартиру или внести налогъ. Изъ этого ясно, что обычный размѣръ заработной платы долженъ быть нѣсколько повышенъ, дабы его доставало на образованіе такихъ сбереженій, а это уже само по себѣ было-бы благомъ для рабочихъ.

Къ сожалѣнію, законы, которые должны-бы были покровительствовать такимъ сбереженіямъ, часто противодѣйствуютъ имъ, какъ, на примѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда включаютъ лотереи въ число обыкновенныхъ ресурсовъ казны и открываютъ на всѣхъ улицахъ конторы, которыя предлагаютъ весьма соблазнительныя, но обманчивыя помѣщенія для самыхъ ничтожныхъ суммъ и привлекаютъ къ казнѣ т.-е. обрекаютъ на разрушеніе милліоны, которые могли-бы накопиться и распространить среди рабочихъ довольство и утѣшеніе на случай старости.

Не менѣе вредна для благосостоянія рабочихъ политика, которая, чтобы усыпить ихъ на счетъ ихъ собственнаго положенія, побуждаетъ ихъ сносить въ кабаки то, что они могли-бы отложить для улучшенія своего положенія. Если пустыя и дорогія удовольствія богачей не всегда могутъ быть оправданы разумомъ, то во сколько разъ губельнѣе безумная расточительность бѣдняковъ?

Радости ихъ всегда подправлены слезами, и оргіи черни являются днями скорби для философа.

Независимо отъ того, что объяснено выше—почему прибыль предпринимателя, если даже онъ и не получаетъ ее въ качествѣ капиталиста, бываетъ обыкновенно выше заработка простого рабочаго, есть еще другія причины, правда менѣе законныя въ своемъ основаніи, но вліяніе которыхъ все-таки отрицать нельзя.

Заработная плата рабочаго устанавливается взаимнымъ соглашеніемъ между нимъ и предпринимателемъ: одинъ старается, какъ можно больше получить, другой—какъ можно меньше дать. Но въ этомъ спорѣ на сторонѣ хозяина есть одно преимущество, независимо отъ тѣхъ выгодъ, которыя вытекаютъ изъ самого положенія его. Хозяинъ и рабочій одинаково нуждаются одинъ въ другомъ, такъ какъ первый не можетъ получить никакой прибыли безъ помощи другого; но нужда хозяина не бываетъ такъ непосредственна и настоятельна, какъ рабочаго. Мало найдется такихъ предпринимателей, которые не могли-бы прожить нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже нѣсколькихъ лѣтъ, не пользуясь трудомъ ни одного рабочаго; тогда какъ мало найдется такихъ рабочихъ, которые могли-бы, не рискуя дойти до послѣдней крайности, прожить и нѣсколькихъ недѣль безъ работы. Трудно представить себѣ, чтобы эта разница въ положеніяхъ не имѣла никакого вліянія на установленіе величины заработной платы.

Де-Сисмонди предлагаетъ нѣсколько законодательныхъ мѣръ для улучшенія рабочаго класса *).

*) См. Nouveaux principes d'économie politique, кн. VII гл. IX.

Онъ отиравается отъ того положенія, что низкая заработная плата рабочихъ обращается въ пользу предпринимателей, на которыхъ они работаютъ, и отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что въ такомъ случаѣ о нуждахъ рабочихъ должно заботиться не общество, а предприниматели, пользующіеся ихъ трудомъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы заставить землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ содержать сельскихъ рабочихъ во всякое время, а мануфактуристовъ—содержать тѣхъ, которые работаютъ въ ихъ мастерскихъ. Въ то-же время, чтобы рабочіе чрезмѣрно не размножились, вслѣдствіе увѣренности ихъ, что они сами и ихъ семейства обезпечены въ постоянномъ содержаніи, онъ предоставляетъ предпринимателямъ, на которыхъ лежало-бы бремя ихъ содержанія, право разрѣшать или запрещать вступленіе въ бракъ.

Эти предложенія, внушенныя самымъ похвальнымъ чувствомъ челоуѣколюбія, не могутъ, мнѣ кажется, быть примѣнены на практикѣ. Обременить одинъ классъ общества содержаніемъ другого класса и заставлять платить заработную плату, которой не могъ-бы окупить никакой продуктъ, значило-бы отказаться отъ всякаго уваженія къ праву частной собственности. Еще большимъ нарушеніемъ этого права было-бы предоставленіе кому-бы то ни было права на личность другого, составляющую самую священную изъ всѣхъ собственности. Запрещая болѣе или менѣе произвольно заключеніе однихъ браковъ, мы способствовали-бы большей плодовитости другихъ. Сверхъ того, не вѣрно у Сисмонди и то положеніе, что если кто извлекаетъ выгоду изъ низкой заработной платы,

то именно предприниматели. Низкая заработная плата, вслѣдствіе конкуренціи, понижаетъ цѣну продуктовъ, надъ которыми трудятся рабочіе, а слѣдовательно выгоду изъ этой дешевой цѣны извлекаютъ потребители продуктовъ, т.-е. все общество. А потому, если вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, неимущіе рабочіе ложатся бременемъ на общество, то оно вознаграждается меньшими расходами на предметы своего потребленія.

Есть такія бѣдствія, которыя прямо истекаютъ изъ природы человѣка и вещи. Одно изъ такихъ бѣдствій заключается въ излишкѣ народонаселенія, превосходящемъ средства существованія. Это бѣдствіе, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, одинаково важно какъ въ развитомъ обществѣ, такъ и среди дикихъ племенъ. Обвинять въ немъ общественное устройство было-бы несправедливо. Лѣстить себя надеждой, что можно освободиться отъ него, было-бы иллюзіей; работать, чтобы ослабить его, было-бы благороднымъ подвигомъ, но не слѣдуетъ хвататься за лѣкарства, которыя ничему не помогли-бы или привели-бы къ послѣдствіямъ еще худшимъ, чѣмъ самое зло, которое хотять устранить.

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство, — если только оно можетъ сдѣлать это, не вызывая никакого безпорядка и не нарушая свободы сдѣлокъ, — обязано оказать покровительство интересамъ рабочихъ, которые меньше, чѣмъ интересы ихъ хозяевъ, защищены самою природою вещей. Но съ другой стороны, правительство, если оно просвѣщенно, должно стараться какъ можно меньше вмѣшиваться въ дѣла частныхъ лицъ, чтобы бѣдствій естественныхъ не усилить еще болѣе бѣдствіями, происходящими отъ администраціи.

Не менѣе заботливо оно должно оберегать рабочихъ отъ злоупотребленій хозяевъ, какъ и этихъ послѣднихъ отъ заговоровъ рабочихъ. Число предпринимателей меньше, а потому и взаимныя сношенія ихъ легче. Наоборотъ, рабочіе не могутъ стовориться между собою безъ того, чтобы ихъ стоворы не были приняты за возмущеніе, которые всегда сгѣшнить подавить полиція. Система, полагающая главныя выгоды страны въ вывозѣ ея продуктовъ, дошла даже до того, что считаетъ всякіе союзы рабочихъ гибельными для благосостоянія государства, потому будго-бы, что они ведутъ къ возвышенію цѣнъ на предметы вывоза, а это, въ свою очередь, мѣшаетъ достигнуть преобладанія на иностранныхъ рынкахъ. Но что-же это за благосостояніе государства, когда многочисленный классъ народа держитъ въ самомъ бѣдственномъ состояніи ради того только, чтобы дешевле снабжать своими товарами иностранцевъ, пользующихся выгодами отъ тѣхъ лишеній, на которыя страна сама обрекаетъ себя!

Встрѣчаются такіе предприниматели, которые держатся того мнѣнія, что если платить рабочему дороже, то онъ будетъ хуже работать, и что полезно, чтобы нужда заставляла его работать. Смитъ, который много видѣлъ и много зналъ, не раздѣляетъ этого мнѣнія. Вотъ, что говоритъ онъ по этому поводу:

„Какъ щедрое вознагражденіе за трудъ поощряетъ народъ къ размноженію, точно также оно усиливаетъ трудолюбіе низшихъ классовъ. Хорошая заработная плата служитъ поощреніемъ трудолюбія, а трудолюбіе, какъ и всякое свойство человѣка, совершенствуется

соотвѣственно поощренію, какое оно получаетъ. Обильныя средства существованія увеличиваютъ физическія силы человѣка, основная надежда улучшить свое положеніе и окончить свои дни, можетъ быть, въ мирѣ и довольствѣ, побуждаетъ рабочаго къ тому, чтобы извлечь изъ своихъ силъ все, что только можно извлечь изъ нихъ. Вотъ почему болѣе дѣятельные, прилежные и смысленные рабочіе, встрѣчаются всегда тамъ, гдѣ заработная плата высока, а не тамъ, гдѣ она низка; въ Англіи, на примѣръ, болѣе чѣмъ въ Шотландіи, въ окрестностяхъ большихъ городовъ болѣе, чѣмъ въ глухихъ деревняхъ. Есть, конечно, и такіе рабочіе, которымъ если удастся заработать въ четыре дня столько, что они могутъ просуществовать недѣлю, то остальные три дня они проводятъ въ праздности; но, разумѣется, не они составляютъ большинство. Напротивъ того, часто встрѣчаются между ними такіе, которые, при оплатѣ за работу поштучно, надрываютъ себя, разстраиваютъ свое здоровье и въ нѣсколько лѣтъ разрушаютъ свой организмъ^{*)}.

^{*)} Ад. Смитъ: „Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ“. Кн. I. Гл. VIII. „Заработная плата“.—См. „Ад. Смитъ“ въ наш. изд. гл. VII.; стр. 98.— Въ перев. П. А. Бибикова, стр. 225.

VIII.

Частное потребление.

Частное потребление, въ противоположность потребленію общественному, состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять потребностямъ частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Эти потребности относятся главнымъ образомъ къ пищѣ, одеждѣ, жилищу и удовольствіямъ. Доходы каждаго частнаго лица, получаютъ-ли они съ промышленныхъ талантовъ, съ капиталовъ или съ земель, употребляются на различные предметы потребленія, которыхъ требуетъ удовлетвореніе потребностей. Богатство семьи возрастаетъ, падаетъ или остается неподвижнымъ, смотря потому, отстаетъ-ли потребленіе отъ ея доходовъ, превышаетъ-ли оно ихъ, или идетъ съ ними вровень. Совокупность всѣхъ частныхъ потребленій, вмѣстѣ съ потребленіемъ правительства, совершаемымъ въ интересахъ государства, образуетъ общее потребленіе всей націи.

Но изъ того, что всякая семья, какъ и всякій народъ въ совокупности, можетъ, не бѣднѣя, потреблять всѣ свои доходы, еще не слѣдуетъ, что она должна такъ поступать. Предусмотрительность требуетъ, чтобы принимались въ соображеніе всякія обстоятельства. Кто поручится, что онъ всегда сохранитъ въ цѣлости все свое состояніе? Чье состояніе вполнѣ обезпечено отъ несправедливости, обмана, или насилія? Развѣ не бывало конфискаціи земель? Развѣ корабли не подвергались крушеніямъ? А кто поручится, что ни-

когда не будет имѣть процесса, или что онъ всегда будетъ выигранъ? Развѣ богатые кушцы не бывали жертвами банкротства или какой-нибудь невѣрной спекуляціи? Если ежегодно тратить весь свой доходъ, то запасъ средствъ можетъ постепенно уменьшаться — онъ даже, по всей вѣроятности, непремѣнно уменьшится.

Но если онъ долженъ оставаться всегда въ одномъ размѣрѣ, то стоитъ-ли поддерживать его? Можетъ-ли состояніе, какъ-бы оно значительно ни было, оставаться столь-же значительнымъ, когда приходится раздѣлить его между многими дѣтьми? Но если даже и не настоятъ надобности дѣлить его, то почему-же и не приумножить его, если употребляются при этомъ честныя средства? Развѣ стремленіе частныхъ лицъ увеличить свое благосостояніе не способствуетъ, посредствомъ сбереженій, умноженію капиталовъ, что, въ свою очередь, благопріятствуетъ промышленности и дѣлаетъ націи богатыми и цивилизованными? Если-же наши отцы не имѣли такого стремленія, то мы остались-бы дикарями. Мы еще въ точности не знаемъ, какой степени цивилизаціи можно достигнуть, съ помощью возрастанія богатства. Мнѣ представляется далеко недоказаннымъ, чтобы девять-десятихъ жителей въ большей части Европы должны непремѣнно коснѣть въ состояніи, близкомъ къ варварству, какъ это дѣйствительно наблюдается еще въ настоящее время.

Частная экономія учитъ насъ правильнымъ образомъ направлять потребленіе семьи, то-есть въ каждомъ данномъ случаѣ вѣрно соразмѣрять потребляемую цѣнность съ удовлетвореніемъ, какое

получаетъ при этомъ семья. Каждый человѣкъ въ отдѣльности лучше всего самъ можетъ правильно взвѣсить какъ то, такъ и другое, потому что все это зависитъ отъ размѣра его состоянія, отъ занимаемаго имъ въ обществѣ положенія, отъ его личныхъ потребностей и потребностей его семьи, и даже отъ его личныхъ вкусовъ. Слишкомъ сдержанное потребленіе лишаетъ его тѣхъ удовольствій, которыми онъ могъ-бы пользоваться по своему состоянію, а безпорядочное потребленіе лишаетъ его тѣхъ средствъ, которыя благоразуміе совѣтуетъ ему беречь.

Потребленіе частныхъ лицъ всегда находится въ связи съ характеромъ и страстями людей. Самыя благородныя и самыя дурныя побужденія поочередно вліяютъ на него. Они вызываются то любовью къ чувственнымъ наслажденіямъ, то тщеславіемъ, то великодушіемъ, то мстительностью, то даже алчностью. Съ другой стороны, оно подавляется предусмотрительностью, воображаемыми опасеніями, мнительностью, эгоизмомъ. То одни, то другія изъ этихъ разнообразныхъ побужденій берутъ верхъ и руководятъ людьми въ пользованіи ихъ богатствами. Слѣдовать пути, указываемому благоразуміемъ, здѣсь какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, трудноѣ всего. Человѣкъ-же по своей слабости отклоняется то въ ту, то въ другую сторону и слишкомъ часто ударяется въ крайности.

Крайностями въ потребленіи являются расточительность и скупость. И та и другая сторона лишаютъ человѣка выгоды, которая доставляетъ ему богатство: расточительность тѣмъ, что истощаетъ его средства, скупость тѣмъ, что мѣшаетъ ему

пользоваться ими. Но расточительность все-таки симпатичнѣе скупости и соединяется со многими общественными достоинствами. Ее скорѣе оправдаютъ, потому что она привлекаетъ другихъ къ участію въ своихъ удовольствіяхъ; тѣмъ не менѣе для общества она вреднѣе скупости: она расточаетъ, отымаетъ у промышленности капиталы, которыми она держится; уничтожая одинъ изъ могущественныхъ агентовъ производства, она не даетъ возможности развиваться другимъ. Кто говоритъ, что деньги для того и существуютъ, чтобы ихъ тратить, и что продукты для того и произведены, чтобы ихъ потреблять, очень ошибается, если при этомъ предполагаетъ, что расходы и потребление назначены для того, чтобы доставлять намъ удовольствія. Деньги нужны намъ еще и для того, чтобы употреблять ихъ производительнымъ образомъ, а производительное употребленіе ихъ ведетъ всегда къ большому благу, и всякій разъ, какъ расточается какой-нибудь запасъ производительныхъ средствъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ міра, непременно погасаетъ соответствующая часть промышленности. Расточитель, поѣдающій часть своихъ личныхъ запасовъ, въ тоже время непременно лишаетъ промышленнаго человѣка его прибылей.

Скряга, не пускающій въ оборотъ своихъ сокровищъ, отъ страха потерять ихъ, правда, не приноситъ никакой выгоды промышленности, но онъ, по крайней мѣрѣ, не отымаетъ у нея ни одного изъ ея средствъ. Эти сокровища накоплены имъ въ ущербъ его собственнымъ наслажденіямъ, но не на счетъ общества, какъ обыкновенно думаютъ: они не были отвлечены ни отъ какого про-

изводительнаго употребленія и, по смерти скряги найдуть себѣ, по крайней мѣрѣ, полезное помѣщеніе и оживятъ промышленность, если не будутъ расточены его наслѣдниками, или не будутъ запригнаны такъ далеко, что нельзя будетъ достать ихъ.

Люди расточительные напрасно величаются своимъ мотовствомъ—оно также недостойно благою одности человѣческой природы, какъ и скардство скупца. Нѣтъ никакой заслуги въ томъ, чтобы расточить все, что имѣешь, и потомъ легко обходиться безъ того, чего не имѣешь. Такъ поступаютъ только животныя, да и то болѣе развитыя изъ нихъ бывають и болѣе предусмотрительны. Что отличаетъ поступки всякаго существа, одареннаго предусмотрительностью и разумомъ, это—ни при какомъ случаѣ ничего не потреблять безъ разумной цѣли впереди. Таковъ по крайней мѣрѣ совѣтъ экономіи.

Экономія есть сужденіе въ примѣненіи къ потребленію. Она знаетъ свои средства и знаетъ, на что лучше всего употребить ихъ. У экономіи нѣтъ никакихъ абсолютныхъ принциповъ, она всегда сообразуется съ состояніемъ, положеніемъ и потребностями потребителя. Расходъ, рекомендуемый благоразумной экономіей для хозяйства средней руки, былъ-бы скардствомъ для богатаго и расточительностью для нуждающагося хозяйства. Во время болѣзни приходится пользоваться такими удобствами, отъ которыхъ отказываешь себѣ, когда бываешь здоровъ. Благодѣяніе, дѣлаемое въ ущербъ личнымъ наслажденіямъ благотворителя, достойно всякой похвалы, если-же оно дѣлается въ ущербъ содержанію собственныхъ дѣтей, заслуживаетъ порицанія.

Здравая экономія одинаково чуждается какъ скуности, такъ и расточительности. Скупость копить не для того, чтобы потреблять, или воспроизводить новые продукты, а для того, чтобы копить; это — инстинктъ, потребность машинальная и постыдная. Экономія — дочь благоразумія и просвѣщеннаго разума; она умѣетъ отказывать себѣ въ излишнемъ, чтобы обезпечить себѣ необходимое, тогда какъ скупость отказываетъ себѣ въ необходимомъ, чтобы доставить себѣ излишнее въ будущемъ, которое никогда не наступитъ. Экономію можно внести въ устройство самаго роскошнаго ширшества, и она даетъ средство сдѣлать его еще болѣе роскошнымъ; скупость же только портитъ вездѣ, куда ни покажется. Человѣкъ хозяйственный соразмѣряетъ свои средства съ настоящими и будущими потребностями, со всѣмъ, чего требуютъ отъ него его семья, друзья, человѣчество. У скупого нѣтъ семьи, нѣтъ друзей; онъ едва имѣетъ кое-какія потребности, а человѣчество для него не существуетъ. Экономія не потребляетъ ничего даромъ; скупость не хочетъ потреблять ничего. Первая является слѣдствіемъ похвального разсчета, который одинъ даетъ средство исполнить свои обязанности и быть великодушнымъ, не нарушая справедливости. Скупость — низкая страсть, потому что она имѣетъ въ виду только себя и все приносить въ жертву себѣ.

Экономія признается добродѣтелью и не безъ основанія. Она предполагаетъ силу и власть надъ собою, какъ и другія добродѣтели, и болѣе чѣмъ какая-нибудь изъ нихъ ведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Благодаря ей, семейства могутъ да-

вать хорошее физическое и нравственное воспитаніе дѣтямъ, а также заботиться о старикахъ; она сообщаетъ человѣку въ зрѣломъ возрастѣ ту ясность духа, которая необходима, чтобы владѣть собою, ту независимость, которая ставитъ человѣка выше всякихъ низкихъ поступковъ. Только экономія даетъ возможность оказывать другимъ щедрую помощь, и притомъ помощь продолжительную и плодотворную. Щедрый только по расточительности даетъ безъ разбора какъ тѣмъ, кто заслуживаетъ его помощи, такъ и тѣмъ, которые ея не заслуживаютъ, даетъ и тѣмъ, кому совѣмъ не слѣдуетъ давать, въ ущербъ тѣмъ, кому давать необходимо. Часто бываетъ, что расточитель принужденъ взывать о помощи къ тѣмъ, которыхъ самъ осыпалъ своими щедротами; выходитъ—какъ будто онъ давалъ лишь подъ условіемъ возврата имъ дарованнаго; тогда какъ экономный человѣкъ даетъ всегда безъ возврата, потому что онъ отдаетъ то, чѣмъ можетъ располагать, ни въ чемъ не стѣсняя себя самого. Онъ бываетъ богатъ, располагая умѣреннымъ состояніемъ, тогда какъ скупой и расточительный человѣкъ—всегда бѣденъ съ большими состояніями.

Безпорядокъ исключаетъ экономію. Безпорядочный человѣкъ идегъ на-угадъ, съ завязанными глазами, среди окружающихъ его богатствъ; иногда у него оказывается подъ рукою то, чего онъ болѣе всего желаетъ, а онъ проходитъ мимо, ничего не замѣчая, и тогда-же онъ набрасывается и пожираетъ то, что ему было-бы необходимо сохранить. Онъ вѣчно находится во власти случайныхъ обстоятельствъ: то онъ не замѣчаетъ ихъ, а то не

имѣть силу освободиться отъ нихъ. Онъ никогда не знаетъ, ни гдѣ онъ, ни въ какую сторону долженъ идти.

Домъ, въ которомъ нѣтъ порядка, становится добычей всѣхъ и каждаго; онъ разоряется даже и при вѣрныхъ слугахъ; онъ разоряется даже и при мелочной бережливости. Онъ постоянно доступенъ множеству самыхъ мелкихъ потерь, которыя возобновляются безпрестанно, во всевозможныхъ видахъ и по самымъ ничтожнымъ причинамъ.

Къ числу причинъ, всего болѣе вліяющихъ на частное потребленіе, принадлежитъ роскошь, которая доставляла такъ много матеріала для всевозможной декламации, о которой я могъ-бы и не говорить здѣсь, если-бы всѣ согласились дѣлать правильное практическое примѣненіе принциповъ, изложенныхъ въ этомъ сочиненіи, и если-бы не было всегда полезно приводить доказательства, вмѣсто праздныхъ разглагольствованій.

Говорили, что роскошь есть *употребленіе излишняго* *). Признаюсь—я не понимаю разницы между *излишнимъ* и *необходимымъ*. Подобно цвѣтамъ радуги, эти понятія переливаются одно въ другое и смѣшиваются въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Вкусы, воспитаніе, темпераменты, здоровье устанавливаютъ безконечное разнообразіе между всѣми степенями полезнаго и необходимаго, такъ что невозможно, въ смыслѣ абсолютномъ, пользоваться этими двумя словами, имѣющими всегда только относительное значеніе.

*) См. *Смартъ*: „Политическая экономія“. Тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что *излишніе предметы*—тѣ, которые *абсолютно не необходимы для жизни*.

Понятіе о необходимомъ и излишнемъ мѣняется смотря по различному состоянію самого общества. Такъ, хотя человѣкъ и могъ жить, питаясь одними кореньями, одѣваясь только въ звѣринныя шкуры и укрываясь въ простомъ шалашѣ; однако теперь, при современномъ состояніи нашихъ обществъ, невозможно считать въ нашемъ климатѣ излишествомъ употребленіе хлѣба и мяса, шерстяной одежды и жилищъ въ домахъ. Точно также понятія о необходимомъ и излишнемъ мѣняются смотря по состоянію частныхъ лицъ: что необходимо въ городѣ, при извѣстномъ занятіи, то бываетъ излишне въ деревнѣ, при иномъ положеніи. Слѣдовательно, никакъ нельзя провести раздѣльной линіи между необходимымъ и излишнимъ. Смитъ, который отодвинулъ эту линію дальше, чѣмъ Стьюартъ, потому что онъ называетъ предметами необходимыми (necessities) не только все то, что требуется самою природою, но и то, что сдѣлалось необходимымъ даже для низшихъ классовъ народа въ силу установившихся правилъ приличія и благопристойности,—Смитъ, говорю я, былъ не правъ въ этомъ отношеніи. Эта раздѣльная линія измѣнчива по самому существу своему.

Можно сказать вообще, что роскошь есть употребленіе предметовъ дорогихъ; это слово—*дорогой*, смыслъ котораго относителенъ, достаточно подходитъ для опредѣленія слова, имѣющаго также относительный смыслъ. На французскомъ языкѣ слово *luxe* (роскошь) возбуждаетъ въ одно и тоже время скорѣе понятіе о тщеславіи, чѣмъ о сластолюбіи: *роскошь въ одеждѣ* значить не то, что эта одежда болѣе удобна для тѣхъ, кто ее носитъ, а то, что

она сшита, чтобы поразить глаза тѣхъ, кто смотритъ на нее. *Роскошь стола* возбуждаетъ понятіе скорѣе о пышности пиршества, чѣмъ о тонкости кушаньевъ эпикурейца.

Съ этой точки зрѣнія роскошь имѣетъ своею главною цѣлью возбудить удивленіе рѣдкостью, дороговизною, великолѣпіемъ предметовъ, которыми блещетъ, а предметы роскоши употребляются не ради ихъ дѣйствительной полезности, ни ради доставляемаго ими удобства или удовольствія, но ради только того, чтобы ослѣпить глаза и подѣйствовать на мнѣніе другихъ людей. Роскошь родственна *тщеславію*; но тщеславіе распространяется на всѣ преимущества, которыми хотять украсить себя—можно быть добродѣтельнымъ изъ тщеславія, но нельзя быть добродѣтельнымъ изъ роскоши. Роскошь предполагаетъ расходы, и если говорятъ—*роскошь ума*, то дѣлаютъ натяжку, предполагая, что тратится умъ, когда расточаются его силы, которыя слѣдовало бы поберечь.

Хотя то, что мы называемъ роскошью, основывается главнымъ образомъ на тщеславіи, однако тождественными съ нею можно признать утонченныя проявленія сластолюбія. Въ этомъ отождествленіи—лучшее объясненіе послѣднихъ, да и результаты ихъ получаются тѣ-же—значительное потребленіе, способное удовлетворить большимъ потребностямъ и посвященное суетному самоуслажденію. Но я не назвалъ-бы предметомъ роскоши того, что просвѣщенный и умный человѣкъ, живущій въ развитой странѣ, желалъ-бы имѣть для своего стола, хотя-бы у него и не было гостей, для своего дома и костюма, хотя-бы ему и не было на-

добности выставлять себя на показъ. Это—удовольствіе, это—удобство, осмысленное и соотвѣтствующее его состоянію, но не роскошь.

Опредѣливъ роскошь въ такомъ смыслѣ, можно теперь выяснитъ, какое вліяніе она имѣетъ на экономію народовъ.

Непроизводительное потребленіе можетъ охватывать и удовлетвореніе потребностей весьма реальныхъ. Въ этомъ отношеніи оно еще можетъ представить нѣкоторый противовѣсъ вреду, который происходитъ всегда отъ уничтоженія цѣнностей. Но чѣмъ можно вознаграditъ этотъ вредъ, когда потребленіе не имѣетъ своимъ предметомъ удовлетворенія какой-нибудь дѣйствительной потребности, когда расходъ дѣлается только ради расхода, уничтоженіе цѣнности ради самого уничтоженія?

Вы скажете, *можетъ быть, что такое потребленіе доставляетъ выгоду производителямъ потребленныхъ продуктовъ.*

Но вѣдь расходы, производимые не ради безполезнаго потребленія, дѣлаются всегда потому, что деньги, которыхъ не хотятъ расточать на предметы роскоши, не бросаются-же въ рѣку. Они идутъ или на болѣе благоразумное потребленіе, или на новое производство. Во всякомъ случаѣ весь доходъ, если только онъ не запрятывается куда-нибудь, идетъ на потребленіе; во всякомъ случаѣ поощреніе, получаемое производителями отъ потребленія, равняется всей суммѣ доходовъ. А изъ этого слѣдуетъ:

1. Что поощреніе, получаемое тѣмъ или другимъ производствомъ отъ расходовъ на предметы

роскоши, непременно отнимается отъ какого-нибудь другого производства.

2. Что поощреніе, прорастающее изъ такихъ расходовъ, можетъ возрасти только въ томъ случаѣ, если увеличивается доходъ потребителя, а извѣстно, что онъ увеличивается не отъ расходовъ на предметы роскоши, а отъ расходовъ на производство новыхъ продуктовъ.

Въ какую ошибку впадали тѣ, которые, видя вообще, что производство всегда равняется потребленію (ибо необходимо, чтобы все потребленное было прежде произведено), принимали дѣйствіе за причину и ставили принципомъ, что только непродуцированное потребленіе вызываетъ воспроизводство, что сбереженіе прямо противно общественному благосостоянію, и что самый полезный гражданинъ—тотъ, который расходуетъ больше всѣхъ!

Сторонники двухъ противоположныхъ системъ—экономической и торговаго баланса, создали изъ этого положенія главное основаніе для своихъ ученій. Мануфактуристы и купцы, заботившіеся только о томъ, чтобы продать свой продуктъ, не помышляя о причинахъ, на основаніи которыхъ они могли-бы продать больше, поддерживали это положеніе, повидимому столь подходившее къ ихъ интересамъ; поэты, всегда немного увлекающіеся виѣшностью и не считающіе себя обязанными знать больше, чѣмъ государственные люди, воспѣвали роскошь на всѣ лады, люди же богатые поспѣшили одобрить эту систему, которая возводила ихъ тщеславіе въ добродѣтель, а ихъ наслажденія — въ благодѣяніе.

Но политическая экономія, успѣвшая раскрыть истинные источники богатства, выяснить средства производства и результаты потребленія, на всегда разрушить этотъ предрасудокъ. Суетность можетъ величаться бесполезными расходами—она только возбудитъ къ себѣ презрѣніе всякаго разумнаго человѣка послѣдствіями своей расточительности, какъ прежде возбуждала принципами, которыми руководствовалась.

Что доказывается разсужденіемъ, то подтверждается и опытомъ. Нищета идетъ всегда вслѣдъ за роскошью. Пышный богачъ употребляетъ на дорогія бездѣлушки, роскошные шпы, великолѣпные дворцы, на собакъ, лошадей, любовницъ массу цѣнностей, которыя могли-бы быть употреблены производительнымъ образомъ и доставить теплое платье, здоровую пищу, удобную мебель огромному числу трудящихся людей, обреченныхъ по его милости на праздность и нищету. И вотъ богачъ ходитъ въ золотыхъ пряжкахъ, а бѣднякъ сидитъ безъ сапогъ; богачъ одѣтъ въ бархатъ, а у бѣдняка нѣтъ рубашки.

Такова ужъ сила вещей—сколько-бы роскошны гнала нищету съ своихъ глазъ, а нищета упорно идетъ за ней по пятамъ, какъ-бы въ укоръ за ея излишества. Вотъ что наблюдалось въ Версали, въ Римѣ, въ Мадридѣ, при всѣхъ дворахъ; печальный примѣръ такого состоянія представила намъ, наконецъ, Франція, какъ послѣдствіе расточительной и пышной администраціи, какъ будто требовалось, чтобы такіе неопровержимые принципы нуждались въ такомъ ужасномъ подтвержденіи.

Люди, не привыкшіе распознавать дѣйствительность подъ ея вышшею оболочкою, иногда соблазняются блескомъ и громомъ блестящей роскоши. Они видятъ благосостояніе тамъ, гдѣ дѣлаются большіе расходы. Но они глубоко ошибаются въ этомъ: страна, которая падаетъ, обыкновенно въ теченіе нѣкотораго времени являетъ подобіе богатства, какъ домъ мота, который разоряется. Но этотъ обманчивый блескъ непродолжителенъ: такъ какъ онъ иссушаетъ самые источники воспроизводства, то за нимъ неизбѣжно слѣдуетъ стѣсненность, общее истощеніе, стѣ которыхъ можно выльчнуться только постепенно и средствами, прямо противоположными тѣмъ, которыя привели къ такому упадку.

Прискорбно, что общественныя нравы, губительныя привычки страны, съ которою человѣкъ связанъ своимъ рожденіемъ, состояніемъ, привязанностями, подчиняются своему влиянію даже самыхъ развитыхъ, наиболѣе способныхъ предусматривать опасность и уразумѣвать ея печальныя послѣдствія. Лишь очень немногіе люди, довольно твердые въ своихъ убѣжденіяхъ и независимые по своему матеріальному положенію, дѣйствуютъ только по своимъ принципамъ и руководствуются только своими убѣжденіями. Большинство же слѣдуетъ, вопреки своимъ желаніямъ, за безразсудной толпой, которая, ни надъ чѣмъ не задумываясь, не замѣчаетъ, что, если удовлетворены заурядныя потребности жизни, счастье заключается не въ праздныхъ наслажденіяхъ роскоши, а въ разбѣренномъ пользованіи своими физическими и нравственными способностями.

Стало-быть, лица, которыя, пользуясь большою властью или большими талантами, стараются распространить вкусъ къ роскоши, дѣйствуютъ во время благополучію народа. Если какая-нибудь привычка еще заслуживаетъ поощренія какъ въ монархіяхъ, такъ и въ республикахъ, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ государствахъ, то это только — экономія. Но нуждается-ли она въ поощреніи? Не достаточно-ли для этого уважать неприкосновенность всѣхъ сбереженій и ихъ употребленій, т. е. признать цѣльное развитіе всякой промышленности, если только она не преступна? Когда не развращаютъ націй дурными примѣрами и дурными учрежденіями, когда не мѣшаютъ имъ самимъ имѣть свое правильное сужденіе о своихъ истинныхъ интересахъ, то онѣ всегда ведутъ себя хорошо. Всякія вредныя крайности — дѣло отдѣльныхъ лицъ.

Говорятъ, что, возбуждая людей къ тратамъ, тѣмъ самымъ возбуждаютъ ихъ къ производству — надо-же, чтобы они вырабатывали что-нибудь, для того, чтобы дѣлать расходы. Чтобы дойти до такого разсужденія, надо прежде начать съ предположенія — что отъ людей самихъ зависитъ какъ производить и потреблять и что также легко увеличивать свои доходы, какъ и проѣдать ихъ. Но если-бы это и было такъ, если-бы дѣйствительно потребность бросать деньги развивала любовь къ труду, что вовсе не подтверждается опытомъ, то все-таки производство могло-бы возрастать не иначе, какъ съ помощью умножающихся капиталовъ, которые составляютъ всегда одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго производства, а

капиталы умножаются только сбереженіемъ. А какихъ сбереженій можно ожидать отъ тѣхъ, кто побуждается къ производству однимъ только желаніемъ хорошо пожить?

Сверхъ того, если любовь къ роскоши внушаетъ стремленіе къ приобрѣтенію, то достаточно-ли медленныхъ и ограниченныхъ средствъ дѣйствительнаго производства для утоленія жажды широкаго потребленія? Не разсчитываетъ-ли эта любовь къ роскоши скорѣе на быстрые и постыдные барыши отъ интриги и разорительной для народа промышленности, на то, чтобы, ничего не производя, принять участіе въ раздѣлѣ продуктовъ, произведенныхъ чужимъ трудомъ? Въ такихъ случаяхъ мошенникъ развиваетъ всѣ силы своего презрѣннаго генія, сутяга спекулируетъ на неясности законовъ, человекъ, у власти стоящій, продаетъ людской глупости и нечестности покровительство, которое онъ обязанъ даромъ оказывать достоинству и справедливости. „Я видѣлъ за ужиномъ, рассказываетъ Плиній, Паулину въ костюмѣ, затканномъ жемчужомъ и изумрудами и стоимшемъ 40 милл. сестерцій, что можно было-бы подтвердить, какъ она говорила, ея домашними счетами; этимъ костюмомъ она была обязана грабительству своихъ предковъ. Чтобы внучка могла появиться, прибавляетъ римскій писатель, на шире въ драгоценныхъ камняхъ, дѣдъ ея Лоллій согласился раззорить нѣсколько провинцій, покрыть себя позоромъ на всемъ Востокѣ, потерять дружбу сына Августа и въ концѣ всего умереть отъ яда“.

Вотъ какова промышленность, вселяющая вкусъ къ безумной расточительности!

Могут доказывать, что система, поощряющая расточительность и благопріятствующая только богатымъ, имѣетъ по крайней мѣрѣ то хорошее дѣйствіе, что умаляетъ неравенство состояній. Но мнѣ нетрудно было-бы доказать, что расточительность богачей заражаетъ средніе и бѣдныя классы населенія, и что именно эти классы скорѣе всего исчерпываютъ свои небольшіе доходы, такъ что всеобщая расточительность скорѣе усиливаетъ, чѣмъ сглаживаетъ разницу состояній. Скажу болѣе — расточительность богачей всегда предшествуетъ расточительности правительства или слѣдуетъ за ней, а эта послѣдняя расточительность почерпаетъ свои средства только изъ налоговъ, которые всегда тяжеле для мелкихъ, чѣмъ для крупныхъ доходовъ.

Во временахъ пытались законами противъ роскоши обуздать надменную суетность и разорительную расточительность. Но эти законы рѣдко достигали своей цѣли. Когда нравы испорчены, то легко избѣжать этихъ законовъ, при хорошихъ нравахъ они бесполезны, но всегда являются посягательствомъ на частную собственность. Ошибки частныхъ лицъ несятъ въ себѣ свое наказаніе, и было-бы безуміемъ пытаться достигать законами того, что непременно достигается въ силу вещей.

Послѣ неудачной защиты роскоши, старались иногда выступать на защиту нищеты. Говорили, что если-бы бѣдняковъ не преслѣдовала нужда, то они не стали-бы работать, а это лишило-бы богатыхъ, да и все общество промышленности бѣднаго населенія.

Но это положеніе, къ счастью, также ложно по су-

ществу, какъ и безчеловѣчно по своимъ послѣдствіямъ. Если нищета служила побужденіемъ къ трудолюбію, то самымъ трудолюбивымъ изъ людей былъ-бы дикарь, потому что онъ самый бѣдный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, какъ онъ перадивъ, знаемъ, что дикари умирали отъ огорченія, когда ихъ хотѣли занять работой. У насъ, въ Европѣ, самые лѣнныя рабочіе — тѣ, которые по своимъ привычкамъ болѣе всего подходятъ къ дикарямъ; количество работы, исполненной грубымъ трудомъ въ какомъ-нибудь бѣднѣйшемъ округѣ, не можетъ сравниться съ количествомъ работы, исполненной порядочнымъ рабочимъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Потребности расширяются по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Человѣкъ, одѣтый въ простую куртку, хочетъ имѣть платье, а у кого есть платье, хочетъ имѣть черныя сюртукъ. Рабочій, живущій въ одной комнатѣ, хочетъ жить въ двухъ комнатахъ; у кого только двѣ рубашки, хочетъ имѣть ихъ дюжину, чтобы можно было чаще мѣнять бѣлье, а кто никогда не зналъ никакой рубашки, тотъ и не думаетъ о приобрѣтеніи ея. Человѣкъ никогда не отказывается приобрѣсть больше, потому что онъ имѣетъ что-нибудь.

Довольство низшихъ классовъ вовсе не несовмѣстимо, какъ часто говорили, съ существованіемъ общественнаго организма. Сапожникъ можетъ тачать сапоги также хорошо въ теплой комнатѣ, хорошо одѣтый, когда онъ самъ сытъ и сыты его дѣти, какъ и цѣпенѣя отъ холода, въ лавчонкѣ, на углу какой-нибудь глухой улицы. Люди не работаютъ ни хуже, ни гораздо хуже отъ того, что они пользуются разумными удобствами жизни.

Пускай богачи бросают свое дѣтское опасеніе, что имъ будетъ хуже жить, если бѣдники достигнутъ благосостоянія. Опытъ, какъ и простое соображеніе, доказываютъ, напротивъ, что вообще въ странахъ, наиболѣе богатыхъ, всего легче найти удовлетвореніе своимъ наиболѣе развитымъ потребностямъ.

IX.

Потребленіе общественное.

Кромѣ тѣхъ потребностей частныхъ лицъ и ихъ семействъ, удовлетвореніе которыхъ образуетъ собою частное потребленіе, есть еще такія особыя потребности, которыя ощущаются союзомъ частныхъ лицъ, называемымъ обществомъ, и удовлетвореніе которыхъ составляетъ потребленіе общественное. Общество покупаетъ и потребляетъ услуги администраціи, оберегающей его интересы, войска, ограждающаго страну отъ внѣшняго нападенія, суда гражданскаго и уголовнаго, охраняющаго каждое частное лицо отъ посягательства другихъ. Всѣ эти разнообразныя услуги приносятъ свою пользу, и если они размножаются сверхъ существующей въ нихъ потребности, если они оплачиваются дороже своей цѣнности, то лишь вслѣдствіе недостатковъ общественной организаціи, разсмотрѣніе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго сочиненія.

Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, гдѣ общество находитъ цѣнности, на которыя покупаетъ или услуги своихъ агентовъ, или предметы, необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей. Въ этой-же главѣ мы рассмотримъ только—какъ производится общественное потребленіе и къ какимъ оно приводитъ результатамъ.

Если начало этой книги хорошо понято, то читатель легко уразумѣть, что общественное потребление, имѣющее въ виду общую пользу, по существу своему совершенно тоже, что и удовлетвореніе потребностей частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Какъ то, такъ и другое есть всегда разрушеніе цѣнностей, разрушеніе части богатствъ, хотя-бы при этомъ и не выходило ни одной копѣйки изъ предѣловъ страны.

Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ движеніе цѣнности, потребленной ради общественной пользы.

Правительство требуетъ отъ плательщика уплаты деньгами какого-нибудь налога. Чтобы удовлетворить сборщика налога, плательщикъ мѣняетъ на деньги продукты, которыми онъ располагаетъ, и эти деньги вручаетъ правительственному чиновнику. Другіе агенты покупаютъ на эти деньги сукно и сѣтныя припасы для войска. Здѣсь еще никакая цѣнность ни потреблена, ни потеряна, а есть только цѣнность, которая добровольно передана плательщикомъ и обмѣнена на другія цѣнности. Она продолжаетъ существовать въ формѣ сѣтныхъ припасовъ и сукна въ складахъ арміи. Но вотъ, наконецъ, эта цѣнность потребляется, съ этого именно момента часть богатства, вышедшая изъ рукъ плательщика налога, уничтожается, разрушается.

Но здѣсь сумма денегъ не разрушена — она только перешла изъ однихъ рукъ въ другія, отчасти безвозмездно, когда плательщикъ вручилъ ее сборщику налога, отчасти посредствомъ обмѣна, когда она была передана правительственнымъ чи-

новникомъ поставщику арміи, у котораго были закуплены съѣстные припасы и сукно. Не смотря на все передачи, цѣнность денегъ сохранилась, и если бы она перешла въ третьи, четвертыя и десятыя руки, она все продолжала-бы существовать, не испытывая никакого чувствительнаго измѣненія, а разрушилась-бы при этихъ переходахъ цѣнность сукна и припасовъ, которая перестала существовать. Совершенно такой-же результатъ получился-бы, если бы плательщикъ налога на тѣ-же деньги купилъ съѣстныхъ припасовъ и сукна и самъ потребилъ-бы ихъ. Вся разница только въ томъ, что удовлетвореніе отъ этого потребленія получилъ не плательщикъ налога, а государство.

Все это не трудно примѣнить и ко всякому роду общественнаго потребленія. Когда деньги плательщика идутъ на выдачу содержанія какому-нибудь должностному лицу, то послѣднее, значить, продаетъ свое время, свои способности, свой трудъ, которые потребляются на пользу общественную, и, въ свою очередь, потребляетъ, вмѣсто плательщика налога, цѣнность, полученную имъ въ обмѣнъ на свои услуги, точно также какъ это сдѣлалъ-бы какой-нибудь прикащикъ, или всякое другое лицо, нанятое плательщикомъ налога для соблюденія его частныхъ интересовъ.

Почти всегда думали, что цѣнность, платимая обществомъ за общественныя услуги, возвращается ему въ другой формѣ, и доказывали это, между прочимъ, тѣмъ, что все, *что получаетъ правительство и его агиты, они возстановляютъ тѣмъ, что сами расходуютъ.* Но это—ошибка и ошибка тѣмъ болѣе вредная по своимъ послѣдствіямъ, что

повлекла за собою страшныя расхищенія, совершенныя безъ всякаго угрызенія совѣсти. Цѣнность, доставленная плательщикомъ налога, передана имъ даромъ; правительство воспользовалось ею, чтобы купить трудъ, предметы потребленія, продукты, однимъ словомъ — то, что имѣеть такую-же цѣнность. Покупка не есть возстановленіе цѣнности.

Съ какой-бы стороны ни разсматривалась эта операція и какъ-бы она ни была усложнена въ практическомъ исполненіи, она всегда путемъ анализа приведетъ къ тому общему положенію, какое сейчасъ высказано. Потребленный продуктъ всегда будетъ потерянною цѣнностью, кто-бы ни былъ потребителемъ ея, и притомъ она будетъ потеряна безъ вознагражденія того, кто не получилъ ничего въ обмѣнъ на нее. Но въ данномъ случаѣ надо считать возмѣщеніемъ ту выгоду, которую плательщикъ налога получаетъ отъ службы должностнаго лица, или отъ потребленія, сдѣланнаго на общую пользу.

Если общественныя расходы дѣйствуютъ на сумму богатствъ совершенно также, какъ и частныя расходы, то тѣ-же самыя принципы экономіи должны руководить какъ тѣми, такъ и другими. Нѣтъ двухъ родовъ экономіи, какъ нѣтъ двухъ родовъ честности или двухъ родовъ нравственности. Если правительство, какъ и частное лицо, совершаетъ потребленіе, въ результатъ котораго получается больше цѣнностей, чѣмъ сколько ихъ потреблено, то, значитъ, дѣятельность ихъ производительна. Если же отъ потребленной цѣнности не осталось никакого продукта, то она, значитъ, совершенно потеряна какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ; но она

можетъ, исчезая, оказать услугу, которую отъ нея ожидали. Всякіе военные запасы вещей и провіанта, точно также какъ время и работа гражданскихъ и военныхъ чиновъ, служившихъ на защиту государства, перестали существовать, хотя и могли быть употреблены съ большею пользою: тутъ произошло тоже самое, что съ предметами и услугами, которые непосредственно употребило на себя какое-нибудь семейство. Тутъ не оказалось никакой другой выгоды, кромѣ удовлетворенія потребности; но если потребность была дѣйствительная, если она была удовлетворена при возможно наилучшихъ условіяхъ, то такого возмѣщенія совершенно достаточно, чтобы уровновѣсить, часто даже съ большою выгодною, то, чего стоило такое удовлетвореніе. Если-же потребности не существовало, то и потребленіе семьи и защита ея интересовъ оказываются только зломъ, ничѣмъ невознаградимымъ. То-же самое представляетъ и потребленіе государства: потреблять только для того, чтобы потреблять, расходовать только для того, чтобы расходовать, требовать услугъ отъ кого-нибудь ради того, чтобы давать ему жалованье, уничтожить предметъ для того, чтобы имѣть случай заплатить за него, это—такое-же безразсудство со стороны правительства, какъ и со стороны частнаго лица въ его частномъ потребленіи, и также непростительно для правителя государствомъ, какъ и для всякаго человѣка, стоящаго во главѣ какого-нибудь частнаго предпріятія. Расточительное правительство даже виновнѣе частнаго лица: это послѣднее потребляетъ то, что принадлежитъ ему, тогда какъ правительство само ничего не имѣетъ.

и является только распорядителем общественнаго достоянія *).

Что-же можно думать о тѣхъ писателяхъ, а ихъ не мало, которые хотѣли установить то положеніе, что богатство частное и богатство общественное суть два совершенно различныя понятія; что богатство частнаго лица умножается дѣйствительно сбереженіемъ, а богатство общественное, напротивъ, умножается отъ усиленія потребленія, и которые вывели изъ этого положенія такое опасное и ложное заключеніе, что правила, которыми руководствуется управленіе частнымъ богатствомъ, и правила, которыми должно руководствоваться управленіе общественнымъ достояніемъ, не только совершенно различны, но часто даже просто противоположны другъ другу?

Если-бы такіе принципы высказывались только въ книгахъ и никогда не дѣйствовали на практикѣ, то еще можно было-бы оставаться спокойнымъ и равнодушно смотрѣть на нихъ, какъ на множество другихъ являющихся въ печати заблужденій. Но какъ не скорбѣть о судьбахъ человечества, когда видишь, что подобные принципы исповѣдуются людьми, отличающимися своими достоинствами, талантами и образованіемъ, когда видишь, что ими руководствуются на практикѣ люди, которые обле-

*) Всякое правительство, считающее себя собственникомъ богатства частныхъ лицъ, или дѣйствующее на правахъ такого собственника, является узурпаторомъ, а узурпація есть фактъ, а не право. Иначе всякій воръ, достаточно ловкій или достаточно сильный, чтобы завладѣть чужимъ достояніемъ, будучи пойманъ, долженъ былъ признанъ законнымъ собственникомъ того, что своровалъ, а не обязанъ былъ возвратить украденное.

чены властью и могутъ поддержать такія заблужденія и безсмыслицы силою штыковъ и пушекъ *)).

Госпожа де-Ментенонъ рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кардиналу Ноалью, что когда ей пришлось однажды упрашивать короля усилить раздачу милостыни бѣднымъ, то Людовикъ XIV отвѣтилъ ей такъ: *король подаетъ милостыню тогда, когда тратитъ много*. Какія драгоцѣнныя и страшныя слова, доказывающія, какъ разореніе можетъ быть возведено даже въ принципъ. Дурные принципы бывають хуже самой развращенности, потому что ими руководствуются даже въ противность своимъ плохо понимаемымъ интересамъ, и въдобавокъ еще въ теченіе очень продолжительнаго времени, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и безъ всякой пощады. Если-бы Людовикъ XIV думалъ, что своею пышностью и расточительностью онъ удовлетворяетъ только своему тщеславію, а завоеваніями—своему честолюбію, то онъ былъ-бы честнымъ человѣкомъ; онъ могъ-бы раскаяться въ своемъ заблужденіи и положить ему конецъ, онъ могъ-бы по крайней мѣрѣ остановиться ради собственнаго интереса. Но, къ несчастію, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ своею расточительностью приноситъ пользу своимъ государствамъ, а слѣдовательно и самому себѣ, и не остановился до тѣхъ поръ, пока не дошелъ до нищеты и униженія.

Здравыя идеи политической экономіи были еще

*) Легко замѣтить, что это мѣсто, какъ и нѣкоторые другіе, были написаны въ господство военнаго режима, который присвоилъ себѣ право истощать всѣ источники народнаго благосостоянія и увѣрять націю, не допуская для страны никакихъ возраженій, что все это такъ и быть должно.—Прим. автора.

настолько чужды лучшимъ людямъ даже XVIII стол., что король прусскій, Фридрихъ II, человекъ, такъ страстно искавшій истины, столь способный понять ее и столь достойный, чтобъ взять ее подъ свое покровительство, такъ писалъ д'Алламберу, въ оправданіе вѣдѣнныхъ имъ войнъ: „мои многочисленныя войска способствуютъ обращенію денегъ и равномерно распредѣляютъ въ провинціяхъ то, что народы доставляютъ правительству*. Итъ, еще разъ итъ; все что получаетъ правительство съ провинцій, не возвращается имъ обратно. Уплачиваются-ли налоги деньгами или натурой, они превращаются въ воинскіе запасы и въ этой формѣ потребляются, уничтожаются людьми, которые не возстановляютъ ихъ, потому что не производятъ никакой цѣнности*). Счастьемъ для Пруссіи были то, что дѣятельность Фридриха II не всегда соотвѣтствовала его принципамъ: онъ

*) Для снабженіе войска въ рукахъ правительства или его агентовъ имѣются цѣнности двоякаго рода: 1) цѣнность того, что платится податными; 2) цѣнность воинскихъ запасовъ, доставляемыхъ поставщиками. Кто доставляетъ цѣнности перваго рода (плательщики), ничего не получаютъ въ вознагражденіе ихъ, кто доставляетъ цѣнность втораго рода (поставщики), получаютъ взамятъ въ видѣ платы другія цѣнности.—Но существованіе этихъ послѣднихъ цѣнностей не даетъ никакого права утверждать, что правительство возвращаетъ одной рукой то, что беретъ другою, что тутъ происходитъ только обращеніе цѣнностей и что націи отъ этого ничего не терпятъ. Что получило съ плательщиковъ правительство, равно 2, а что она возмѣстила имъ за это, равно 1. Потеря этой недостающей 1 падаетъ всецѣло на плательщиковъ, и такъ какъ частныя богатства плательщиковъ въ совокупности образуютъ богатство народа, то, значить, народное богатство уменьлось на всю сумму цѣнностей, потребленныхъ правительствомъ, за исключеніемъ изъ нея того, что произведено правительствомъ, благо-дара общественнымъ учрежденіямъ.

принесъ странѣ больше пользы своею экономіей въ управленіи, чѣмъ сколько принесъ ей вреда своими войнами.

Если потребленіе народа или его правительства причиняетъ потерю цѣнностей, а слѣдовательно и богатства, то оно можетъ быть оправдано лишь по столько, по сколько народъ получаетъ отъ него выгоды, равныя тѣмъ жертвамъ, которыхъ оно стоило ему. Стало-быть, все искусство администраціи заключается въ постоянномъ и справедливомъ сопоставленіи размѣра приносимыхъ народомъ жертвъ съ выгодами, извлекаемыми изъ нихъ государствомъ, и я не обинуясь скажу, что несоразмѣрность приносимыхъ жертвъ съ полученными выгодами есть глупость или преступленіе администраціи.

Что произошло-бы, въ самомъ дѣлѣ, если-бы безумные расходы дурного правительства не ограничивались однимъ расточеніемъ народнаго благосостоянія и если-бы потребленіе государства не только не доставляло народу никакого равноцѣннаго возмѣщенія, а, наоборотъ, готовило ему безчисленное множество всякихъ бѣдствій; если-бы послѣдствіемъ самыхъ произвольныхъ поборовъ были сумасбродныя и преступныя предпріятія; если-бы, наконецъ, народъ почти всегда оплачивалъ свою кровью право платить деньги изъ своего кармана?

Какъ прискорбно было-бы называть пустымъ фразерствомъ истины, которыя здравому смыслу такъ часто приходится разъяснять потому только, что глупость и страсти упорно отказываются признавать ихъ!

Обычное потребленіе правительства составляет важную часть общаго потребленія народа, потому что доходить иногда до шестой, пятой и четвертой части общаго потребленія и даже болѣе, а отсюда слѣдуетъ, что экономическая система правительства имѣетъ огромное вліяніе на возвышеніе или упадокъ народа. Если частный человекъ вообразить себѣ, что на треть усилить свои средства, расточая ихъ, и что расточительностью дѣлаетъ себѣ большую честь; если онъ не умѣетъ устоять передъ соблазномъ пустаго удовольствія или передъ внушеніемъ даже справедливаго, но поздняго раскаянія, то онъ разорится и своимъ крушеніемъ подѣйствуетъ лишь на небольшое число людей. Что-же касается правительства, то нѣтъ такой ошибки его, которая не сдѣлала-бы нѣсколькихъ милліоновъ людей несчастными и не могла-бы вызвать упадка цѣлой націи. Если желательно, чтобы граждане хорошо понимали собственные интересы, то во сколько разъ желательнѣе это по отношенію къ правительству? Если порядокъ и экономія считаются добродѣтелями въ частной жизни, то какимъ прекраснымъ именемъ, справедливо было-бы назвать эти свойства въ людяхъ, руководящихъ судьбами государствъ и могущихъ устроить благоденствіе цѣлаго народа?

Частный человекъ вполне понимаетъ цѣнность предмета имъ потребленнаго; часто это — плодъ его тяжелыхъ трудовъ, продолжительныхъ заботъ, настоящихъ сбереженій. Онъ легко взвѣшиваетъ выгоды, какія можетъ получить отъ своего потребленія, и лишенія, какія онъ долженъ испытать. Правительство не заинтересовано такъ непосред-

ственно въ порядкѣ и экономіи; оно не можетъ такъ живо и такъ скоро почувствовать неудобство отъ ихъ отсутствія. Прибавьте къ этому, что частный человѣкъ побуждается къ бережливости не только личнымъ интересомъ, но еще и вліяніемъ сердца; экономія обезпечиваетъ средство для дорогихъ ему существъ, а бережливое правительство сберегаетъ для гражданъ, которыхъ оно непосредственно почти не знаетъ, и плоды его бережливости сослужатъ свою службу, можетъ быть, только его преемникамъ.

Ошибочно было-бы думать, что наследственная власть предохраняетъ отъ такихъ неудобствъ. Соображенія, дѣйствующія на частнаго человѣка, не касаются правителя страны. Онъ смотритъ на состояніе своихъ наследниковъ, какъ на совершенно обезпеченное, по скольку это зависитъ отъ наследованія. Да и не онъ лично постановляетъ рѣшенія по большей части расходовъ и не онъ заправляетъ дѣлами купли и продажи. Это дѣлаютъ его министры, его генералы. Но, наконецъ, постоянный опытъ доказываетъ, что самыя бережливья правительства не суть ни монархіи, ни демократическія правительства, а преимущественно аристократическія республики.

Еще менѣе надо думать, что духъ экономіи и порядка въ общественномъ потребленіи несовмѣстимъ съ гениемъ, препринимающимъ и совершающимъ великіе подвиги. Карлъ Великій—одинъ изъ самыхъ славныхъ государей; онъ завоевалъ Италію, Венгрію и Австрію, отразилъ сарациновъ и разсѣялъ саксовъ; онъ стяжалъ блестящій титулъ императора и тѣмъ не менѣе заслужилъ отъ

Монтескьё такую похвалу: „Отець семейства могъ-бы поучиться въ законахъ Карла Великаго, какъ надо управлять своимъ домою. Онъ ввелъ удивительное правило въ своихъ расходахъ и управлялъ своими владѣніями съ мудростью. Въ его „Капитуляріяхъ“ можно найти тотъ чистый и священный источникъ, изъ котораго онъ извлекалъ свои богатства. Довольно указать хоть на слѣдующее: онъ приказывалъ продавать яшда съ птичьихъ дворовъ своихъ владѣній и сорныя травы съ своихъ садовъ“.

Принцъ Евгеній Савойскій, котораго неправильно было-бы считать только великимъ полководцемъ, потому что онъ обнаружилъ также высокія способности какъ въ управленіи, такъ и въ дипломатіи по дѣламъ, которыя на него возлагались, совѣтывалъ императору Карлу VI слѣдовать въ управленіи финансами совѣтамъ негоціантовъ.

Великій герцогъ тосканскій Леопольдъ показалъ, въ концѣ XVIII столѣтія, что можетъ сдѣлать государь даже въ государствѣ очень небольшомъ, тѣмъ, что онъ введетъ въ управленіе самую строгую экономію частнаго хозяйства: при немъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Тоскана сдѣлалась одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ въ Европѣ.

Тѣмъ-же принципомъ руководствовались министры, съ наибольшимъ успѣхомъ управлявшіе финансами Франціи: с.-денискій аббатъ Сугерій, кардиналъ Амбуазъ, Сюлли, Кольберъ, Неккеръ. Всѣ они находили въ строгой экономіи простого частнаго человѣка средства для исполненія самыхъ крупныхъ предпріятій. Аббатъ с.-денискій доставилъ обильныя средства для второго кресто-

ваго похода — предирія, котораго я лично далеко не одобряю, но которое требовало громадныхъ расходовъ; Амбуазь подготовилъ завоеваніе Милана Людовикомъ XII; Сюлли — паденіе австрійскаго дома, Кольберъ — блестящіе успѣхи Людовика XIV, а Неккеръ доставилъ средства вести самую счастливую войну, какую только совершила Франція въ XVIII столѣтіи.

Вообще-же исторія показываетъ намъ, что правительства всегда страдали отъ недостатка денегъ и принуждены были, подобно частнымъ лицамъ, прибѣгать, чтобы выпутываться изъ затрудненій, къ разорительнымъ, а иногда и позорнымъ средствамъ. Такъ было, напримѣръ, при Карлѣ Лысомъ, при которомъ никто не достигалъ почестей и не пользовался безопасностью иначе какъ за деньги; — при Карлѣ II, королѣ австрійскомъ, продавшемъ Дюнкирхенъ французскому королю и получившемъ въ Голландіи два съ четвертью милліона за то, чтобы отсрочить отплытіе флота, который былъ снаряженъ въ Англіи въ 1680 г. и долженъ былъ идти въ Индію защищать англичанъ, раздавленныхъ батавцами. Таковы были, наконецъ, всѣ правительства, которыя дѣлались несостоятельными или вслѣдствіе порчи звонкой монеты или вслѣдствіе неисполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ. Людовикъ XIV, совершенно истощившій къ концу своего царствованія всѣ средства своего прекраснаго королевства, создавалъ и продавалъ должности, изъ коихъ одна была смѣшнѣе другой. Создавались тогда должности королевскихъ совѣтниковъ, смотрѣвшихъ за кладкою дровъ, должности брадобрѣвъ-цирульниковъ.

контролеровъ-досмотрщиковъ сѣбжаго масла, пробовальщиковъ соленого масла и т. д. Но всѣ эти способы пріобрѣтенія средствъ, столько-же жалкіе по суммамъ, какія они доставляли, сколько и вредные по своему вліянію, лишь на короткое время отсрочивали катастрофу, которая должна была наступить какъ неизбѣжное послѣдствіе правительственной расточительности. „Когда не хотятъ слушаться разума“, сказалъ Франклинъ, „онъ никогда не замедлитъ дать себя почувствовать“.

86

